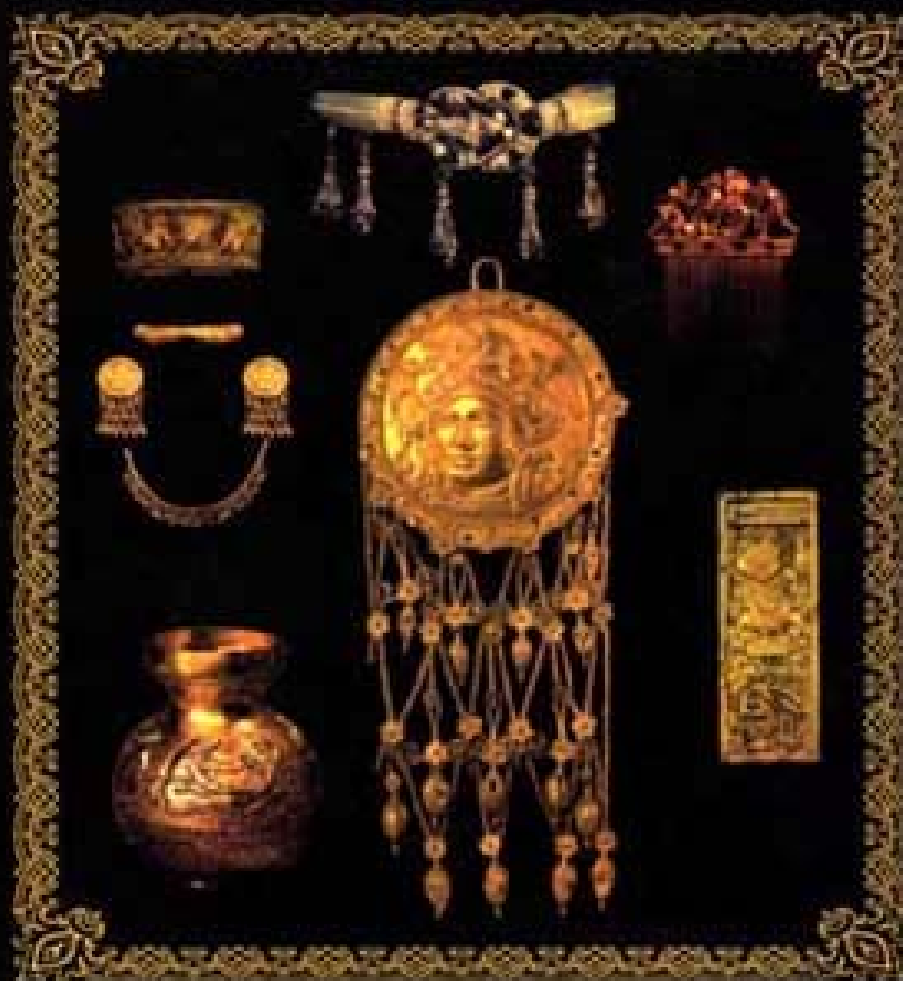

Виктор Тёр

Золото Кубанской Радн

*Историко-документальное
повествование*

KKKKK.

Виктор Тёр

Золото Кубанской Рады

*историко-документальное
повествование*

Ростов-на-Дону

«Феникс»

2005

Тер В.

Золото Кубанской Рады: Историко-документальное повествование – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 2005 – 144 с. {Подворье} ISBN 5-222-06255-4 ~54.00.00/82503

В детстве многие из нас, начитавшись приключенческих романов, хотели найти клад. Однако с возрастом мечты о спрятанных где-то несметных сокровищах постепенно отходят на второй план, вытесненные более насущными и приземленными целями. Поэтому немало число современников считают профессиональных кладоискателей (их называют черными археологами) мечтателями не от мира сего, не доигравшими в детстве в "Остров сокровищ". А зря!

В историко-документальном повествовании "Золото Кубанской Рады" мы попытались приоткрыть тайну бесследно исчезнувшего в годы гражданской войны золота Кубанской Рады, о поиске его в наши дни.

ГЛАВА 1

Только ли легенда?

Микроавтобус «Фольксваген», миновав казачью станицу Крыловскую, свернул направо, на старую дорогу, ведущую в Каневскую. Справа — поля, оцетинившись колючей пшеничной стерней, слева — лесная полоса.

Нас семеро: известный кладоискатель Юрий Харчук, его единомышленники, с которыми он объехал всю Кубань, — Юрий Тарасенко, Вадим Ермилов, а также автор этих строк с сыновьями историками-краеоведами Евгением и Олегом, наш гид — поэт и знаток здешних мест Леонид Мирошниченко. Цель поездки — осмотреть Луцеву могилу и ее окрестности. Вадим захватил «так, на всякий случай» металлоискатель.

Старая, называемая в народе Каневской, дорога два столетия назад соединила соседние казачьи станицы Каневскую с Крыловской. Поближе к ней сиротливо жались одинокие хутора зажиточных казаков Мороза, Луца и иже с ними. По торной, езжалой ямщики доставляли письма служивых, посылки, чаще с книгами и журналами, в богатые дома. Гарцевали на конях по ней и молодцеватые фельдъегери, спешили доставить к месту казенную бумагу. Скрипели телеги чумаков — везли они в рогожных мешках соль, пахнущую заморской краской мануфактуру, бусы для станичных девчат и всякую другую меновую дребедень. Родился ребенок — праздник в семье, ехали по старой дороге «крестить большею частью в станицу Крыловскую», — напишет в эмиграции, тоскуя по родным местам, казачий генерал М. Недбаевский, который часто навещался в Крыловку к куму, атаману станицы Приймаку. И венчались молодые в каменном храме моей станицы. Малиновые звоны колоколов слышали за тридцать верст от Крыловки, в Каневской, а то и дальше.

Бывало, переедут казаки сагу — овражек, заросший камышом да рогозом, на взгорке коней рассупонят, а казачки тем временем рядно цветастое расстелят на земле, а на него уже из домотканого сидора всякую снедь тащат — тут и копчености, и колбаска домашняя прямо из смальца, и крашанки, и пироги с курагой... Разольют по чаркам наливку, осушат по одной, другой, тогда и кони веселее в горку бегут, да и песня вольная душу веселит. Так мне рассказал старый казак Ефим Яковлевич Тихолоз, сторож-бахчевник.

Вот и мы, поминая добрым словом наших праотцов, едем по старой Каневской дороге, кужелит пылью она. Притормозили на балочке, на той самой, где езжалые путники в старину перекусывали, наливочку попивая. На восточной стороне по балке, на взгорье, — отливающее пахотой поле. В пору моего детства на нем располагался баштан, а сбоку — сторожевой курень, крытый соломой. Полосатые арбузы, будто их сам черт напихал, катались под горячим солнцем — созревали в бурьянце. Бывало, лопалась «зеленая рубашка», и кавун истекал красным липким вкусом, тогда уже к полудню сюда и не подходи — пчелы «мэду дадуть». А на правой стороне дремал застроенный конюшнями и «кулацкими» амбарами полевой стан колхоза с единственной, подобие флага, акацией. Чуть выше шумел верхушками высоких яблонь и груш сад, называемый Луцевым. Красные, с золотыми медовыми щечками яблоки везли в августе на подводах. Куда везли, уж и не припомню. Жаль, нет теперь Луцевого сада!

Сворачиваем вправо по дороге — и перед нами открывается поле не поле, скорее луг, а по нему акварельными мазками камыш и тростник. Сладко пахнет дикой ромашкой, васильком...

Набираемся на покатый, древний курган, называемый Луцевой могилой. Кто поверит, что ему больше пяти тысячелетий? Нашлись умники, с северной стороны сделали подкоп, ночами вгрызались в его вековое тело, не оставляя на поверхности и горсти земли. Что похитили «черные археологи», — неизвестно. Но золота в наших курганах, это уже издавна проверено, не схоронено.

Место недавнего раскопа осыпалось, и теперь им воспользовался барсук. А может, жирует в нем и старая лиса — сладко «патрикеевне» засыпать в земляном схроне!

Не поленился и другой «землекоп». Лопатой, как вепрь, станичник поковырял землю на кургане. Не трудно догадаться — промышлял целебный корень кермека. Стоило ли ехать за семь верст киселя хлебать, чтобы ковырять землю на вековой могиле? На окраинных, малохоженных улицах в Крыловке этого кермека хоть кулем вяжи — хватит пролечить всю домашнюю живность, да и себя обиходить...

Поднимаем брошенный наспех сухой стебель. Из цветочных корзинок кермека сыплются коричневые, обугленные зноем семена. Похожие на остро отточенные копья, они — до чего же мудра природа! — падая, тут же и вонзаются в землю. Пусть из горсти семян одно прорастет, и восполнит оно урон, нанесенный станичником с домашней лопатой...

Позванивает на ветке одинокий, как путник, высокий стебель белены. На месте майских соцветий изящного рисунка колокольчики. Пустые. Рассеянные ветром семена...

В сторонке от занесенного перелетной птицей семечка пророс кленок. За лето вымахал на просторе! Запунцовели на солнышке его листья-флажки. Через год-другой укроется под кроной от палящего солнца пастух, а в дождь схоронится и незадачливый рыбовод. Чу! В дальней рощице, будто ржавый гвоздь по стеклу, — то голос петушка-фазана. Видно, завидел пернатый ухажер нас, сигнал подает хохлаткам...

Луцева могила... Более века носит имя курган бывшего владельца здешней округи — казака-сидельца. Тут вот, прилепившись к реке Челбас, стоял хутор Луца. У дома высилась шелковица и тополь — семена его дали поросль по берегу.

Вблизи бывшего казачьего подворья уже в новое время поставил пасеку Степан Турский: вольно пчелам, рядом поля с богатыми медоносами, травы луговые. Опять же под боком речка. Раздвинул поутру рукой камышец — вот тебе и голубень — простор, иной раз на ушницу можно и жирных карасей наудить. Рассказывали: как-то летним днем, приминая под колесами травы, против пасеки остановилась «легковушка». Молодые парни, осторожно поддерживая под руки, вывели из нее дремучего старца, Луца. Он долго оглядывал место впереди себя и, кажется, сделал несколько шагов в сторону раскидистых дубков, обнявшихся по-братски у самого берега. Но... остановился. Что-то сказал попутчикам, и те подошли к пасечнику Турскому.

— Вы не заметили то место, где росла шелковица?

— Да грець его знае... — ответил Степан. И корня ее теперь не сыщешь.

Значит, вековая шелковица, дожидаячи заблудшего хозяина, не выдержав напора ветра, рухнула, не оставив после себя и следа. Имя Луца изустно повторяется в названии кургана и то лишь благодаря путникам, охотникам, пастухам, укрывающимся под ними в непогоду от восточных ветров. Видно, догадался хозяин в свое время, как это делали старые памятливые люди, высадить под шелковицей «дикий виноград», корни которого, насквозь пронизав землю, пьют ключевую воду, потому-то неистребимо живучее растение! А может, не верил старче в печальный исход? Скорее, да, чем — нет! Ибо по высаженному ростку отыскал бы порог родимой хаты.

Старый Луц напоследок наведалься к родимому стану, а тут ни пепелища, ни шелковицы — ровное, густо поросшее цикорием место... А недавно в мир иной ушел и последний свидетель той давней трогательной встречи, мой земляк Степан Турский.

Спустились тропкой по теплой ложбинке, к реке. Гладкоствольные молодые дубки с курчавыми кронами, как сквозь сито, просеивали ветерок, спадающий с противоположной стороны поля. Пахло прибрежными травами, вязкой глиной. Сыпались с веток на землю красные бусинки — ягоды волчьего дерева.

Всю, насколько хватало взора, испещренную камышовыми зарослями балку, по которой мы гуляли, простором которой любовались, — называют издавна крыловчане одним словом — Бурсаки. Интересы ради спрашивал у самых заядлых, природных «донкихотов»: откуда пошло такое название. Удивленный взгляд и — молчок: мол, Бурсаки и Бурсаки... Недавно сам из достоверного источника узнал, что у его имени славное историческое «вчера». Со времен оных здешние земли окрест были что ни на есть запасные, казачьи. Войско Черноморское сдавало их в аренду коннозаводчикам. По ее условиям, только самая незначительная часть могла быть распаханной. Но коннозаводчики делали все наоборот. За исключением одного — казачьего полковника Павла Павловича Бурсака, который арендовал под табун в тысячу лошадей огромный участок целины — от Дурноселивки (ныне ст. Челбасской) до Крыловской и далее на север. Кони его, внука Войскового атамана, достославного Федора Яковлевича Бурсака, любили забираться в богатую травами балку, береговыми, вытопченными тропами — в хмеречи, кущи. Табунились у кургана, который позже назовут Луцевой могилой, и влюбленными парами, отбившись, уходили в степную даль. Красивые и сильные, кони шли в ремонт в Харьковский и Одесский военные округа, и за границу тоже — в Австрию и Болгарию. Отслуживших свой срок военной службы охотно запрягали в конки, которые раскатывались по старой, музыкальной Вене. Благодарные европейцы, издревле понимающие толк в лошадях, звали кубанских «коньков-горбунков» непременно «бурсаковскими».

— Так вот почему балка называется Бурсаками! — воскликнул мой друг Леня Мирошниченко.

— А мне еще моя старенькая бабушка рассказывала о красивых лошадях, что табунами ходили за станицей, в балке...

С высоты кургана балка Бурсаки как на ладони. Представьте, век назад на этой равнине, перепоюсанной сагами, полыхали белые ковыли, красные маки, синие колокольчики — цветы всех оттенков радуги.

...Перестук копыт. Спешились два казака, высокие, дородные — то Павел Павлович Бурсак и его верный табунщик Федор Яковлевич Скиба. Скоро первый, завернувшись в бурку, уснет под высокими Серебряными звездами, а второй, поддерживая огонек костерка, запоем тихонько любимую песню. И старая задумчивая дорога, с чуткими, ушастыми листьями лопуха, припорошенного вековой пылью, будет до утра сторожить покой своих сынов. Было ли так? А почему бы и нет!

Слушаем шорохи старой дороги, всплески тихой реки Челбас (с тюркского — «ковш воды»). Неожиданно Юрий Харчук заговорил о речных кладах.

— Недавно один мой знакомый подарил в музей кладоискателей России газету «Советская Кубань», которую хранил более сорока лет. — И Юрий развернул ее, пожелтевшую от времени, но такую теперь притягательную. — Любопытен в ней очерк «Тайна черной чаши» — о гулебском городке Дурное сливка. Еще во времена оные его населяли пришлые люди, казаками прозываясь.

Вольготно жили: дичи, рыбы вдоволь. Выпасы для коней и скотины — не меряно. Что еще надо? Да вот беда навалилась...

- Где же это место? — посыпались вопросы.
- Юра, не томи. Лучше уж прочти очерк.
- Братцы, утомлю...
- Пожалуйста, самый интересный отрывок...
- «Любо, братцы, любо!» Слушайте...

«В те часы Осман-паша вел своих янычар в степь. Пронюхал он — ногайские ханы надумали передаться русским, стать подданными России. Богатый кусок земель отходил от Турции. Как бы удержать его? Паша хитер — вез ханам великий подарок, чтоб ублажить ногайцев, не дать им ходу на русскую сторону.

Спешил паша и... заблудился в степи. Кружит возле кургана. Ночью-то без зоряного неба дорогу не отыскать. Гибель, догадывается, неминуема. Наступит утро — донцы вмиг на след нападут и Суворову доложат. Подозвал к себе паша Селима — наивернейшего служку своего и говорит:

— Добудь языка из гулебщиков — им все тропы степные ведомы. Вывел бы он нас к ногаям. Озолочу...

— Добуду, — заверил Селим и, кликнув янычар, давай шататься с ними по берегу реки. Наскочил-таки на бурьяны, где притаился гулебский городок. Ворвался в него, а казаки как сквозь землю провалились. Одну Ганну схватили. Привели к паше. Смотрит полонянка — стоит возле турка красавица. В шароварах. И во все глаза разглядывает Ганну.

— Риднэнька моя! — восклицает вдруг красавица, подходя к полонянке, — не турчанка я. Девчонкой увели меня татары из-под Белой Церкви, в Турцию продали. Наталкой зовут. Опостылела мне неволя. Невмоготу на чужбине быть. Паша требует, чтоб вывела ты его к ногайцам, — тут где-то ставка их хана. Соглашайся. Мы выберем час и укроемся с тобой в камышах от паши.

— Добрэ! — ответила Ганна. — Верю тебе. Поведу.

— Казна у паши великая, — продолжала Наталка, — отцам твоим да братьям завладеть бы ею. Не одну душу из полона выручили бы...

Тут — переполох. Видно, гулебщики успели-таки оповестить донцов. Настигли они врага у кургана.

— О, аллах! — закричал паша. — Не дай смерти от урусов, Селим! Бери янычар. Тащи с ними золото к реке. На челны кидай сундуки, сбрось казну в глушпи, ну заводи. А я место хорошенько запомню.

Селим вместе с золотом прихватил Наталку с Ганной. Рванули янычары каюки прочь от берега. До середины доплыли и вывалили сундуки в пучину. Выскочили на другом берегу. Наталка быстренько выхватила из-за пазухи кинжальчик и перерезала шла ремни на руках Ганны.

— Тикаемо, Ганнуся! — крикнула и шарахнулась в темноту. Ганна повернулась к реке, нырнула с кручи. Селим — за Наталкой. Рассек ее надвое палашом...

Из-за туч месяц выпрыгнул, степь светом обласкал.

— Проклятое место! Челбас! — разгневался Паша, увидев вороненные отблески на воде. Дня два погода нашли гулебщики под кустом боярышника пашу с селимом. Лежали, руки разбросав. Возле — удав с отсеченной головой. Видно, перепугались турки змея и, обороняясь от него, замертво пали.

...Боялись сильно казаки этого места. Заколдованным считали. Стороной обходили. Нет-нет да и попадались потом поодаль черепа да кости лошадей, скелеты людей, оружие.

— А Ганна?

— Спаслась. Замуж вышла. Детей нарожала. С той поры колена Наталкиным зовут, курган — казачьим, реку — Челбас, станицу — Челбасской.

— И никто не надумал поднять турецкий клад? Не искали?

— Как не искали! Проживала в Челбасской батрачка Лена Марченко. Славная уродилась дивчина, любопытная. Работала у кулака Вороны Ивана. Рано вставала, поздно ложилась, а грамоте училась. Бывало, скажет Ворона:

— Грамотой думаешь жить? Дура! Не твоего ума дело. За грабли та вилы берись.

Жадный да скупой казак. На платьице ей не наберет. В лохмотьях ходила. В семнадцатом году стала Лена прибиваться к бывшему балтийскому матросу Плахуте. Тот и наставлял ее на правильный шлях. Как власть взяли большевики, библиотеку в станице создала. Редкости литературные собирала. Письма, документы. Попался ей как-то кусок пергамента с чертежом — река, заводь, месяц над ней. Дед престарелый из Крыловской принес. Сказал: «Наталкина колена касаемо».

...Тут белогвардейцы Челбасскую захватили. Пронюхал про пергамент атаман Река. Давай Лену пытаться да мучить. Отдай, мол, дедов листок. Живой останешься. Не отдала его Лена. Расстреляли ее. А на другой день белогвардейский есаул Кожура всех казаков станицы баграми вооружил. Заводь ими избороздил. Не достал со дна золото. Видно, не попал им дедов подарок в руки.

— Какова же судьба пергамента?

— Кто его знает. Может быть, у кого хранится? Порыться бы в семейных архивах челбасцев!

В двадцать втором один станичник — фамилия его Волчонок была — попытал счастье. Нырять, нырять да и остался на дне. Потом археологи приезжали. Прочесали дно. Тоже неудачно. За ними геологи прибыли. Долго наплывы нефтяные на воде изучали — и не зря. Газ нашли они в юрте станицы. Много газа. Искали люди один клад, а обнаружили другой.

Только легенда не умерла. Народ утверждает — клад турецкий Челбас хранит.

— Поискать бы... — вздохнул Вадим Ермилов.

— Поговаривают: в советские времена соглашались очистить Челбас с условием — все найденные на его дне будет принадлежать им. Что тут началось... словом, дело завалили...

Разговор неожиданно прервал Леня Мирошниченко:

— Присмотритесь: южнее «стоит» еще один курган, за ним, знаю не понаслышке, их целая череда. Нет, это не сторожевые курганы времен Суворова, — древние, и возвели, и насыпали их воины-кочевники. Хранят они много тайн, неизведанных тайн прошлого, может, и золото...

— Курганы, можно сказать, молодые — золота в них не сыщешь. Надо ехать в сторону Армавира, в отрадненское предгорье, где древние грузины, фряги, аланы городища возводили, где пролегал Великий шелковый путь. В курганах, каменных пещерах золотишко-то притаилось со времен татаро-монголов...

Эка, куда заглянули. Раз уж заговорили о сокровищах, утопленных в Челбасе, почему бы не вспомнить и нашу Сосыку, — подхватил разговор доселе молчавший Юра Тарасенко. — Более двух веков в нашей станице Уманской, то бишь Ленинградской, бытует легенда о турецкой лодке, которую потопили гребцы, с драгоценностями. То-то... О ней два года назад учитель Владислав Беловолов в газете писал. Вспомните...

— Сколько она шуму наделала. — И Юрий Харчук заулыбался. — Припоминаю, и наши станичники, и школьники из Павловской организовали поиски неслыханного богатства. Да только все это пустое! Золото просто так в руки только дураку дается: шел, споткнулся, поднял с земли глиняный горшок, а в нем монеты, да не простые, а все золотые...

А легенда о затопленной лодке с драгоценностями такова.

Закончилась русско-турецкая война 1787-1791 годов. Но турки продолжали частенько наезжать в пределы Кубани, несмотря на то, что отошла она к Российской империи. Как-то группа казаков-переселенцев плыла на лодке-«чайке» по реке Сосыке и совершенно случайно наткнулась на суденышко, в котором турки драгоценности, припрятанные ранее в тайниках, перевозили. А так, зачем им головой рисковать... Заприметив казачью «чайку», непрошеные гости попытались уйти от преследователей. Когда поняли, что им не оторваться от наседавших станичников и золото будет захвачено, затопили иноземцы суденышко, а сами спешно скрылись в прибрежных зарослях камыша и рогоза — в ту-то пору они были непроходимы. Казаки вроде и запомнили то место, но погоню не приостановили. Захватили-таки несколько турок. Они и сказали правду о золоте...

Вернулись казаки к мосту на реке, где лодку турки утопили, но поднять наверх ее так и не сумели. Пытались нырять в реку — дна не достать, да и вода была уже студеной. Отложили затею до тепла... В заботах-хлопотах век свой прожили, золото не подняли со дна реки. Постепенно то место выветрилось из памяти людской, как семя дикое. Но и сегодня каждый старожил станицы норовит, как писал Владислав Беловолов, показать то «золотое» место на реке. Что ни говори, турецкий «речной» клад все еще ждет своих охотников. Как и схрон Ханук-бея. О нем сообщает в книге «Дорогами жизни» Василь Иванис, последний премьер республики Кубанский край, хранитель в эмиграции атаманской булавы, ученый, исследователь казачьей старины. Так вот, Ханук-бей собрал ценности своего аула и с верными людьми на баркасах удирал за Кубань. Когда выплыл за Круглый лиман и хотел через него переволочить баркасы через узкую гряду суши (возле теперешнего хутора Вратчика) в Кубань, заметил на ее берегу казаков. Захваченный врасплох такой опасностью, Ханук-бей тяжелый баркас с сокровищами затопил, а с людьми глухой полуночью выше места, где его ожидали казаки, на легких каюках переплыл Кубань и бросился в Закубанские плавни и кустарники. Но, наверное, затопленные сокровища в баркасе Ханук-бея проклял, так как о них знают еще многие казаки. Но, однако, найти никто не может...

В тот памятный вечер, обследовав курган — Луцеву могилу, о многом мы вспомнили. Вадим Ермилов, вооружившись металлоискателем, нашел вблизи нашей стоянки медный крестик и... подкову и был, кажется, доволен находками.

— Подкова — на счастье! — восклицал он.

Под конец попали мы под ночной ливень (шел он «стеной», как говорят на Кубани).

— Дождь опять же — на счастье! — торжественно говорил Ермилов.

— Будь по-твоему, — отвечали мы.

И точно, через три месяца вблизи Ленинградской он нашел металлоискателем горшок, наполненный доверху серебряными монетами и одной золотой, царской чеканки.

А тогда Юра Харчук сказал на прощание:

— Уже сколько лет не дает мне покоя золото Кубанской Рады...

Мы заговорили о встрече в надежде записать его рассказ об истории неслыханного по стоимости клада времен Гражданской войны на Кубани...

ГЛАВА 2

Куда делось золото Кубанской Рады?

С этим вопросом мы обратились к русскому кладоискателю Юрию Харчуку. И услышали следующее.

Историческая справка

В мае 1918 года правительственные войска Кубанской Рады, оставляя Екатеринодар, красногвардейскими отрядами, вывезли обоз с сокровищами, который насчитывал 80 подвод. Помимо правительственной казны и реликвий Кубанского казачьего поиска, в ящиках и упаковках было множество золотых вещей (чаши, кресты, кадильницы, иконы в полотых окладах, в жемчугах и самоцветах).

В ходе скитаний по фронтовым дорогам большим часть драгоценного обоза была «утеряна» (намеренно припрятана на территории Кубанского края). Только историческое серебро и регалии Кубанского казачьего войска (12 ящиков), уже в 1920 году, были вывезены казаками-кубанцами за границу. В настоящее время реликвии-регалии ККВ находятся в США.

Некоторые подробности былого

В сентябре 1919 года казаки-депутаты Кубанского областного Совета собрались отдельно от иногородних на Войсковую Радy. Они так называли свой Совет по традиции от предков, казаков-запорожцев. Для начала переименовали область в Кубанский край, избрали атамана и правительство. Несколько позже, в январе 1918 года, так называемая «паритетная» Кубанская Краевая Рада (100 депутатов: казаки — 46, иногородние — 46, горцы — 8) объявила Кубанский край самостоятельной республикой с выходом из Советской России.

По городам и станицам края, где после Великой Октябрьской победила советская власть, прокатилась волна протеста. Повсеместно стали формироваться красногвардейские отряды из революционных рабочих, солдат и матросов. Первый плохо организованный поход красных на Екатеринодар в январе 1918 года был отбит правительственными войсками Краевой Рады, во главе которых волей случая оказался бывший летчик, штабс-капитан В.Л.Покровский. Атаман ККР А.П.Филимонов срочно присвоил ему звание полковника казачьих войск. Несколько позже, в

марте 1918 года, Покровский получил чин генерала... Но к концу февраля обстановка в крае резко изменилась. К Екатеринодару со всех сторон приближались многочисленные и достаточно хорошо вооруженные революционные отряды «красных». Руководство ККР (атаман А.П. Филимонов, председатель Кубанской Рады Н.С.Рябовол, глава правительства Л.Л.Быч) решило под прикрытием правительственных войск уйти из Екатеринодара к предгорьям Кавказского хребта и там дожидаться подхода Добровольческой армии генерала Л.Г. Корнилова, идущей на юг от Ростова-на-Дону.

В ночь на 1 (14) марта 1918 года белоказачий отряд ККР (около трех тысяч штыков и сабель с артиллерией и с большим обозом) покинул Екатеринодар. Днем он без помех сосредоточил свои силы в ауле Шенджий, а затем продолжил свой путь в горы. Весть о том, что добровольческая армия Корнилова находится на подходе к Екатеринодару, заставила полковника Покровского, с благословения руководства ККР, находящегося в обозе, повернуть назад, вернуться в аул Шенджий.

С 7 (20) марта, когда Покровский в надежде на помощь Корнилова захватить Пашковскую переправу и вступил с «красными» защитниками Екатеринодара в артиллерийскую перестрелку, начались бедственные блуждания обоза с сокровищами по фронтовым дорогам. Потери повозок (случайные или с намерением) продолжались в ходе так называемого «Ледяного похода» вплоть до августа, когда добровольческая армия, уже под командованием генерала Л.И. Деникина, захватила Екатеринодар.

В каких же местах «терялось» по частям золото Кубанской Рады?

На родине Ф.Б. Щербины

По данным Краснодарского краевого общественного фонда (ККОФ) «Русский кладоискатель Юрий Хачрчук» (станция Ленинградская, Россия) и Международного клуба кладоискателей «Сокровища вокруг нас» (г. Париж, Франция), современная оценка золота Кубанской Рады тянет на пять миллиардов долларов США. Оценка явно преувеличена, чтобы сильнее потрясти воображение потенциальных кладоискателей. Тем не менее, она имеет право на истину, учитывая, что речь идет не о слитках золота или монетах, а о высокохудожественных изделиях российских мастеров. Штаб по поиску золота Кубанской Рады, созданный недавно при ККОФ «Русский кладоискатель Юрий Харчук», разрабатывает версию, что драгоценный груз с пяти подвод обоза ККР был надежно спрятан в старом подземелье (лабиринт длиной более двух километров), находящемся в станице НовоЩербиновской. Кладоискатели из станицы Ленинградской, которая стала центром объединения не только российских изыскателей, но и заграничных, объясняют свою версию чрезмерно частыми визитами в Щербиновский район потомков кубанских казаков из Австралии и Аргентины.

Схема «Ледяного похода» 1918 года (приложение к книге А.И. Деникина «Поход и смерть генерала Корнилова») говорит нам, что путь отхода добровольческой армии от Екатеринодара на Дон не проходит через Щербиновский район. Но это вовсе не значит, что часть обоза с сокровищами (пять подвод) не могла отделиться, когда генерал Деникин вел свое отступающее воинство вдоль железнодорожной ветки Екатеринодар — Староминская, то есть строго на север. Достигнув Староминской, эти подводы повернули налево, чтобы припрятать свой груз именно на родине самого знатного и популярного кубанского казака Федора Андреевича Щербины.

Объяснение такого маневра, как говорится, лежит на поверхности. Как известно, Ф.А.Щербина — автор знаменитого труда «История Кубанского казачьего войска», член Кубанской краевой Рады — был участником вывоза ценностей из Екатеринодара и всего «Ледяного похода». Он непосредственно, как член специальной комиссии, отвечал за сохранность

регалий ККВ и других ценностей Кубанской Рады. Не исключено, что именно Федор Андреевич оказался организатором припрятывания последней части золота Рады у себя на родине, чтобы не вывозить ее за пределы Кубанского края. Большая часть золотого обоза Рады уже была оставлена в тайниках, о которых речь пойдет ниже. Думается, что пять подвод — это уже все, что осталось на тот момент в золотом обозе.

Великолепный знаток края Ф.А.Щербина, родом из станицы Новодеревянковской, несомненно знал об удобных подземельях в станице Новощербиновской. Расстояние между станицами всего несколько верст. Тихий, молодой уголок края, вдали от больших дорог. Зато зато совсем близко железная дорога на город Ейск, из которого, при необходимости, можно было вывезти сокровища за границу морским путем.

Кстати, именно Федор Андреевич Щербина был активным членом комиссии, которая весной 1920 года вывезла регалии Кубанского Казачьего Войска из Екатеринодара, через Новороссийск, за рубеж. И сам Щербина эмигрировал вместе с историческими сокровищами на пароходе «Константин».

За границей Федор Андреевич, вплоть до начала 1936 года, возглавлял «Общество кубанцев в Чехословакии», преподавал и сотрудничал в вольной казачьей прессе. Можно смело предполагать, что тайной кладой в станице Новощербиновской он своевременно поделился с кем-то из своих наследников. Чем, возможно, и объясняются наезды зарубежных потомков в Щербининский район Краснодарского края.

В отрогах хребта Пшаф

Найдем на карте Краснодарского края станицу Калужскую и отметим, что она уединилась там, где начинают возвышаться горы Северного Кавказа. К югу, сразу за станицей, тянутся лесистые отроги хребта Пшаф, изобилующие местами, где, как иголку в стоге сена, можно спрятать груз с бесчисленного количества подвод...

О первой неудачной попытке полковника Покровского вернуться победным маршем в Екатеринодар, мы уже говорили. Не дождавшись подхода добровольческой армии генерала Корнилова, он вынужденно отвел свой отряд от столицы края по направлению на восток. 10 (23) марта 1918 года Покровский попытался войти в аул Вочепший, но встретил такое яростное сопротивление красногвардейцев, что, буквально, не отступил, а побежал к горам...

Вот как описан этот эпизод в книге А.И.Деникина «Поход и смерть генерала Корнилова»: «Неудача в поисках Добровольческой армии, непонятное метание отряда и недоверие к командованию вызвали в войсках сильный упадок духа. Аула не взяли (мы были в этот вечер всего верстах в 30 от Вочепшия), и расстроенный отряд ночью, бросая обоз, без дорог устремился по направлению к горам на станицу Калужскую...»

Думается, в такой панической ситуации дело не дошло до бросания подвод из обоза с сокровищами Рады. Но сама ситуация заставила руководство Рады и командование войсками придумать о сохранении ценностей.

12 (25) марта, после ожесточенного боя с местными большевиками, Покровскому удалось овладеть станицей Калужской, где его отряд получил небольшую передышку. А тут и Корнилов подоспел, вошел в аул Шенджий. Там, на другой день, и состоялась первая встреча молодого генерала Покровского с вождем добровольческой армии. Переговоры были непростые, ибо руководство ККР стремилось сохранить свою самостоятельность, иметь свою Кубанскую армию. Корнилов возражал и был непреклонен.

Тогда-то председатель Рады Николай Степанович Рябовол с товарищами решили: прежде чем объединить обозы Рады с обозом добровольческой армии, надо укрыть в горных лесах наиболее громоздкую часть сокровищ. Говорят, что эту операцию возглавил лично Н.С.Рябовол. Он — один из немногих знавших тайну клада в горах — был убит 13 (26) июня 1919 года в Ростове-на-Дону в гостинице «Палас-отель». Загадка преступления осталась нераскрытой. Одни казаки считали, что Николай Степанович поплатился за идею самостоятельности Кубани и пал жертвой агентов деникинской контрразведки. Другие связывают его смерть с золотом Рады.

Поговаривали, что генерал Покровский, по ходу своего последнего бега из Екатеринодара, заглядывал в таницу Калужскую со своей свитой. Но «красные» наседали и под их напором бывшему главкому Кубанской армии пришлось побыстрее уходить в Новороссийск. Там он узнал, что новый командующий белой гвардией барон Врангель отказал ему в должности. Тогда Виктор Леонидович Покровский эмигрировал в Болгарию, не без надежды вернуться за кладом. Но и он вскоре был убит...

Гибельный рок витал над судьбами людей, причастных к тайне золота Кубанской Рады.

Под Новороссийском

На дне Черного моря, в четырех милях к востоку от Мысхако (северная широта 44 градуса 37 минут 42 секунды, восточная долгота 37 градусов 49 минут 42 секунды), на глубине 43 метров лежит эскадренный миноносец «Громкий», затопленный экипажем в начале суток 18 июня 1918 года. Загадка одиночного затопления этого корабля привлекла внимание многих историков. По сей день она не разрешена до конца.

Почему командир э. м «Громкого» старший лейтенант Н.А. Новаковский вечером 17 июня был намерен вернуться в Севастополь вместе с эскадрой каперанга Тихменева, вывел корабль на внешний рейд, а затем вдруг выполнил требование революционных моряков и затопил его у Мысхако?

Есть совершенно невероятная версия, что виной таких колебаний Новаковского послужило часть золота Кубанской Рады, которая непредсказуемым путем попала в трюм его эсминца...

Автор этой версии, старый революционер-моряк, давно умер. Помню его, беседовал с ним, прочитал его собственное описание жизни в объемистой общей тетради. В газете «Новороссийский рабочий» опубликован о нем очерк под названием «Матрос с "Гангута"». И хотя мой герой действительно был награжден орденом Октябрьской Революции, рассказ о нем вызвал негативную реакцию других ветеранов Великого Октября. Правда, и меня смущали заграничные приключения «Матроса с "Гангута"» (будем так называть его, чтобы не беспокоить потомков). Он, якобы, после суда над гангутцами сбежал за границу и пешком обошел чуть ли не все страны Ближнего Востока. Общая сумма пройденного километража, по его подсчетам, приближалась к 10 тысячам километров! Расстояние от Москвы до Владивостока!

Отсюда и недоверие к другим рассказам «Матроса с "Гангута"». Приходится утешать себя поговоркой: за что купил, за то и продаю...

После Великого Октября наш герой вернулся на Родину, в Новороссийск. Здесь он немедленно влился в отряд революционных моряков Черноморского флота, который в начале 1918 года принял от местных рабочих вагоноремонтного завода бронепоезд «Борец за свободу». «Матрос с "Гангута"» был на бронепоезде комендором, наводчиком главного орудия. В апреле 1918 года, когда генерал Корнилов попытался штурмом овладеть Екатеринодаром, бронепоезд

«Борец за свободу» участвовал в обороне города. Если хоть чуть-чуть верить нашему герою, то именно его надо было наградить за снаряд-гранату, который точно попал в комнату, где находился вождь белогвардейского воинства. Генерал Корнилов был убит утром 31 марта (13 апреля) 1918 года.

Затем наш герой с легким ранением попал в госпиталь, где случайно познакомился с умирающим человеком, который оказался братом флотского офицера Новаковского. Якобы, он до прихода в Екатеринодар «красных» был доверенным лицом у главы правительства Кубанской Рады Луки Лаврентьевича Быча. Перед смертью этот загадочный чиновник подарил «Матросу с "Гангута"» серебряные часы фирмы «Буре» и попросил его передать брату прощальное письмо.

Опасаясь стать невольным пособником белой контры, наш герой, разумеется, не постеснялся вскрыть конверт. И не зря! Письмо было написано на оборотной стороне клочка топографической карты и оказалось зашифрованным. Странный, совершенно непонятный набор из букв. И подпись странная: «Монтигомо Ястребиный Коготь». А на карте в излучине Кубани под станицей Елизаветинской стоял крестик...

Заинтригованный моряк, по возвращении в Новороссийск, отыскал Новаковского на эсминце «Громкий», который в то время стоял на швартовых у эстакадного причала порта. Передав ему послание брата, наш герой решил проследить за действиями командира корабля, завел дружбу с членами экипажа, входящими в революционный судовой комитет. От них он и узнал, что группа моряков во главе с главным боцманом, ездила под Екатеринодар и привезла на корабль четыре больших деревянных ящика, обитых железом. Эти ящики, якобы с боеприпасами, были погружены в трюм корабля и заперты на замок.

От моряков, которые участвовали в доставке ящиков, «Матрос с "Гангута"» узнал, что их выкопали на том месте, где перед белогвардейским штурмом Екатеринодара был сосредоточен обоз добровольческой армии и Кубанской Рады под охраной войск генерала Маркова. После гибели Корнилова генерал Деникин принял решение отступить на Дон. Перед уходом на север часть груза из обоза Кубанской Рады, по распоряжению Л.Л.Быча, была спрятана в землю...

Кстати, Лука Лаврентьевич Быч в свое время начинал карьеру в Новороссийске, работал секретарем городской Управы, был кандидатом на пост городского Головы. После избрания атаманом Кубанского Казачьего Войска полковника А.П.Филимонова Быч отказался быть главой правительства, участвовал в «Ледяном походе» рядовым членом Законодательной Рады. Он умер в эмиграции, в 1945 году.

В том, что экипаж «Громкого» заставил командира корабля затопить эсминец вместе с частью сокровищ Кубанской Рады, заслуга, по его словам, принадлежит «Матросу с "Гангута"».

ГЛАВА 3

Только ли версии?

Золото Рады - в Ленинградской

Золото прятали в колодцах

Перед концом гражданской войны Кубанское казачье войско, вместе с которым обозы с золотом Рады покидали территорию края, проходило через станицу Уманскую (позже ее переименовали в Ленинградскую). Эшелоны передвигались по железной дороге рядом с Дубовой рощей, что на окраине селения.

— В самой роще одно время располагались воинские части, — говорит кладоискатель Юрий Харчук. — Специально для них возле казарм были вырыты так называемые колодцы, в основном двух видов: для сбора и хранения дождевой воды и для хранения провианта — зимой в колодец складывали продукты, засыпали сверху льдом и плотно закупоривали. В таких условиях продукты могли храниться по несколько лет. Эти колодцы, выложенные изнутри толстым слоем кирпича, всегда располагались парами, неподалеку друг от друга. Между собой они соединялись ходами, то есть все вместе образовывали довольно большую и разветвленную сеть ходов. По некоторым данным, их было от шестидесяти до ста.

Впоследствии эти сооружения стали использоваться как схроны — там прятали не только провиант, но и оружие, амуницию. В этом случае колодцы сравнивали с землей и засыпали. По нашим сведениям, в нескольких таких схронах лежит часть золота Кубанской Рады — всего около шестнадцати подвод (все золото Рады составляло восемьдесят подвод. — Авт.).

Кладоискателям на руку тот факт, что территория Дубовой рощи не является охраняемым государством объектом — ее можно перелопачивать как вздумается, хоть всю бульдозерами перекапывай. Однако проблем тоже хватает — карт со схемой расположения тех самых колодцев, впрочем, как и самих колодцев, практически не сохранилось. А те, что есть, помогают слабо. За восемьдесят лет ландшафт местности сильно изменился — часть рощи вырубил, река Сосыка сильно обмелела.

Иностранцы добывают снимки НАСА...

Сейчас в Дубовой роще попеременно ведут раскопки больше десятка групп иностранцев и столько же из СНГ. А ведь еще несколько лет тому назад многострадальная роща была никому не нужна. Бум начался после того, как удалось установить: эшелон с золотом проходил именно здесь, через станицу. А потом кто-то нашел дореволюционные монеты и началась «золотая лихорадка».

— О том, что на территории лежит солидная часть золота Кубанской Рады, можно говорить практически со стопроцентной гарантией, — считает Юрий Харчук. — Однако, чтобы обследовать такое огромное пространство своими силами, потребуется много лет. Так не проще ли привлечь сюда конкурентов и получить результаты намного быстрее! Это создаст дополнительный стимул для отечественных кладоискателей. Собственно, так мы и поступили.

Первыми золотом Кубанской Рады заинтересовались французы из всемирного кладоискательского общества «Сокровища вокруг нас». Поработав некоторое время в Дубовой роще, они нашли прекрасно сохранившийся схрон с амуницией, ядрами и двумя мортирами. Потом откопали два ящика с монетами, нашли войсковой архив, который подтверждал информацию о кладах. Сейчас в «дубовке», кроме них, работают канадцы, американцы, югославы, чехи и даже греки. Все, как дети лейтенанта Шмидта, имеют в роду кубанских казаков, и практически всем родственники «рассказывали про зарытый в роще клад». Канадцы даже умудрились достать снимки рощи со спутника, очень подробные, по квадратам. Снимки делались так, чтобы по ним определить залежи металлов под землей. Сейчас же для зондирования почвы иностранцы притащили военный агрегат. Его стоимость, даже подержанного, оценивается в несколько десятков тысяч долларов. Чтобы его установить, нужно спилить дерево и укрепить

аппарат на пне. Так сейчас по всей роще с определенными промежутками поспиливали деревья. В общем, экспедиция на несколько месяцев с таким оборудованием обходится иностранцам почти в сто тысяч долларов.

Наши, правда, тоже не отстают. Недавно группа кладоискатели из Крыма бросила там свои раскопки и теперь ошивается здесь. В рощу стекаются старатели даже из Сибири. Средств на такое оборудование у них нет, поэтому работают больше наобум. Шутка ли — один металлоискатель стоит в среднем тысячу долларов.

...И стучат друг на друга в ФСБ

Естественно, никто из них не афиширует ни свое пребывание здесь, ни его цель. Чтобы «зашифроваться», придумывают такие легенды, что смех разбирает. Греки представляются... хореографами. Канадцы и американцы вечно прикидываются туристами, а остальные заявляют, что ищут сведения о своих родственниках-казаках.

Чтобы особо не привлекать внимание, селятся они на квартирах у местных жителей. Но не в Ленинградской, а по-соседству, — поясняет Юрий Харчук. — И если американцев и западных европейцев можно с натяжкой принять за русских — они по-нашему практически без акцента говорят, — то у греков постоянные проблемы с милицией. Их все норовят приписать к «лицам кавказской национальности». Зато чернорабочими набирают только местных, которые рублей за сто в день готовы деревья руками выкорчевывать.

Понятно, такая активность кладоискателей не могла не привлечь внимания милиции и ФСБ. Те всюю наблюдают за поисками. Иногда это сильно затрудняет раскопки, ведь всем хочется, чтобы их результаты держались втайне от остальных. Такого можно добиться, если отвлечь от себя внимание силовиков. Иностранцы поняли это очень быстро и теперь периодически «стучат» друг на друга то в милицию, то в ФСБ. Некоторые там даже информаторами заделались...

\$600 миллионов за алмазы из рощи

Среди сокровищ Кубанской Рады не только золото. Есть среди них и два мешочка «турецких алмазов».

История алмазов начинается в 1914 году, когда во время одного из набегов на территорию Ирана туркам удалось захватить большое количество алмазов очень высокого качества. Но долго наслаждаться их красотой захватчикам не пришлось. На следующий год в результате авантюрной вылазки казакам удалось захватить бесценный трофей. Оптом алмазы были включены в «золото Кубанской Рады». По данным кладоискателей, эти два мешочка находились на тех шестнадцати подводах, содержимое которых схоронено в Дубовой роще. Приблизительная рыночная стоимость «турецких алмазов» — около \$600 долларов!

Специально на поиски этих алмазов, в Ленинградскую приехала группа зарубежных кладоискателей. Сокровища нужны им не только для обогащения. Кое-кто на Западе давно хочет лишить компанию «Де Бирс» монополии на мировом рынке. Для этого копится специальный алмазный фонд. Но пока иностранцам с алмазами не везет...

Газета «Жизнь»

Ключ к сокровищам Кубанской Рады достался немцам В Дубовую рощу прыгивают с поездов

— Буквально на следующий день на поиски золота Кубанской Рады примчалось несколько групп, — рассказывает Юрий Харчук. — Тычут в статью в газете «Жизнь» и спрашивают, правда ли, что там написано. Одни бросили раскопки в Крыму и примчались сюда, несколько человек приехали из Сибири. Откуда они достали номер «Жизни» или ксерокопии статьи — загадка. Ажиотаж возник невиданный. Сейчас в Дубовой роще не только с металлоискателями, с саперными лопатками «на дело» ходят! Даже те, кто проезжают Ленинградскую транзитом, каким-то странным образом прознают про клады и считают своим долгом хоть на часок-другой заглянуть в рощу.

Немцы нашли казачий архив

Эта находка стала хитом сезона. Немцы откопали цинковый сундук с архивом Ейского казачества. Ящик с бумагами был запрятан очень хитро: в колодце, который осматривали кладоискатели, было двойное дно. Все бумаги прекрасно сохранились. Такая находка может существенно облегчить иностранцам поиски сокровищ. Теперь сыны Германии опережают остальных старателей. Дело в том, что подобные архивы составляли во время отступления Кубанского казачьего войска, книги содержали описи вывозимого и схороненного имущества. В некоторых случаях даже указывалось, где оно спрятано.

Через некоторое время еще одной группе подфартило, — продолжает Харчук. — Ребятам удалось найти схрон с оружием. Сколько и чего нашли, они держат в тайне. Сказали только, что есть тринадцать отлично сохранившихся турецких ядер для пушек. И даже одно нам подарили.

Спецслужбы вербуют новых агентов

Активизировались и спецслужбы. Раньше раскопками интересовались исключительно сотрудники милиции и оперативники ФСБ — чтобы клад «мимо» не прошел. Сейчас стало известно, что в роще якобы находится агент сверхсекретной воинской части № 10001. Это подразделение ФСБ было создано в середине восьмидесятых. Его задача — собирать и обрабатывать данные, касающиеся всевозможных необъяснимых явлений, например, НЛО, привидений, колдовских обрядов, «дурных» мест. Секретная часть также занимается кладками. Агент этот, по некоторым данным, внедрен в группу кладоискателей и получает за свой труд некие деньги. А вышеупомянутые милиция и ФСБ, в связи с открытием так называемого «кладоискательского сезона», начали усиленно вербовать информаторов среди старателей.

В общем, страсти вокруг Дубовой рощи накаляются.

Газета «Жизнь»

Двадцать телег золота Пять стукачей на сундук мертвеца

Жестикулируя в такт разговора саперной лопаткой, Харчук идет по Дубовой роще к месту, где зарыто золото Кубанской Рады.

До недавнего времени больше всего в жизни Юрий боялся, что кто-то доберется до пяти миллиардов раньше него. Теперь он этого хочет.

— Очень страшно стало, — признается кладоискатель. — Либо меня убьют, либо сокровища достанутся врагам. Кладоискательская разведка из уха в ухо доложила, что точные координаты сокровищ узнал норвежский путешественник Тур Хейердал и с марта 2001 года приступил к их поиску.

— Он прислал телеграмму губернатору Ростовской области Владимиру Чубу, — объясняет свое волнение Харчук. — Сообщил, что собирается приехать в город Азов с экспедицией. По официальной версии она будет собирать доказательства того, что предки славян имели общие корни с пращурами викингов. А на самом деле Хейердал едет за золотом Кубанской Рады, чтоб поправить свое пошатнувшееся финансовое положение. Ведь Азов — это одно из мест, где спрятана часть золота. От него всего 60 километров до основного тайника. Не исключено, что утечка информации о кладе прошла из самого Кремля. Поскольку всю информацию о золоте я сообщал в письме президенту Владимиру Путину 10 сентября 2000 года. Конечно, золото Кубанской Рады — это бриллиант в перечне кладов Краснодарского края, но есть не менее интересные и более доступные.

Когда в Москве еще был каменный век, здесь уже зарывали свои сокровища греки и римляне. Потом скифы и дошедшие до моря татаро-монголы. Самые же большие богатства спрятаны кубанскими и донскими казаками во время гражданской и Отечественной войн. — Чем больше клад, тем больше проблемы, — не устает повторять Харчук. — Сразу вычислят и замочат. За горшок с червонцами я сам тебе в спальный мешок гадюку кину. Запомни сразу, среди авантюристов нет честных людей. И из меня честного не надо изображать. Это я с виду простой, а десять килограммов золота отрою, увидишь мои глаза. Это будет последнее, что ты увидишь, — Юра дружески хлопает меня по плечу и успокаивает. — Не бойсь, сейчас ничего не найдем.

В рощу нас сопровождают три человека. Так, на всякий случай. У каждого саперная лопатка и оттопыренная под мышкой куртка. С собой взяли металло- и миноискатель. Металлоискатель срабатывает на мелкие железки, мино на крупные и глубоко зарытые.

Жуткий ветер отбивает всякую охоту искать в роще любые, даже большие деньги. И когда Харчук с бригадой неожиданно останавливается у двух расположенных в пяти метрах друг от друга колодцев, даже не верится, что там, на глубине нескольких метров спрятаны двадцать телег золота и бриллиантов.

— Здесь золото Рады, а триста метров справа, у края рощи перед рекой, зарыт монетный двор Питера. Прямо под ивами. Достать можно запросто, но надо производить работы, скрыть которые от ФСБ не удастся.

Юрий улыбается и кивает на остановившуюся за пару сотен метров машину. Два мужика спортивного вида, ежась от ветра, вытаскивали из багажника мангал. Типа шашлык собираются жарить — один в белых штанах, другой в пальто.

— Благодаря мне пять стукачей имеют работу. Один стучит в ФСБ, второй — в прокуратуру, третий — в МВД, четвертый — в подразделение генштаба части № 10001... если наведешь фотоаппарат на их машину, то они уедут. Но не далеко...

Три копейки алюминиевого магната Быкова

Во время наступления красной армии Кубанское казачье войско заняло оборону у станицы Уманской, как раз у Дубовой рощи, и, не имея возможности переправить все золото Рады за границу, большую часть схоронило в двух колодцах для сбора воды. И засыпало. В точности так

же поступили с Санкт-Петербургским монетным двором. Эшелон, застрявший на станции Уманская, разгрузили, а ящики с монетами и клише сложили в ближайшие к реке колодцы.

Одну и, пожалуй, самую ценную монетку из колодца все-таки кто-то достал. Это три копейки 1917 года.

— Сначала ее продали известному авторитету Быкову тысяч вроде за пятьдесят, — рассказывает Харчук. — Когда мы с ним встретились на одном из аукционов, Быков ею очень хвалился. Но раритет у него не задержался. Перекупщик из Москвы заплатил за нее уже семьдесят тысяч. Продаст в Гамбург еще дороже. Ведь их всего три.

Выкапывая из земли пивные пробки да мелкие советские деньги, ребята тихонько матерятся и швыряют их в мшистую пасть колодца.

Вокруг много свежеспеленных деревьев, в пнях которых видны аккуратно проделанные дырки.

— Это французы приезжали, — говорит Харчук. — Они притащили с собой военный агрегат для зондирования почвы, который к пеньку крепить надо... А летом милиция задержала в Дубовой роще группу американских туристов и отобрала у них снимки рощи, сделанные по квадратам со спутника.

Видимо, иностранная техника сработала плохо, потому что прямо около дырявого пенька металлоискатель напипикал две серебряные и одну медную монетку XIX века.

К находке, опережая друг друга, потянулись сразу пять пар рук.

— Дай, дай, дай, — рвалось с языков наперекор мужскому самообладанию.

Ну говорил же, куда ни копни — сокровище, — довольно усмехается Харчук.

Я не слушал его, а следил за тем, что отрывалось после очередного сигнала металлоискателя.

— Кольцо! — пальцы скоро счищают прилипшую землю. Небольшой, но ощутимый бриллиант, явно современный. Какая-нибудь передовица потеряла в обеденный перерыв, забавляясь с молодым механизатором под дубовой тенью.

— Не задерживайте, дайте поддержать, отдайте, говорю, — парень вырывает из рук товарищей свою находку и долго вертит ее перед самым носом.

Я хватаю его металлоискатель и через несколько секунд отрываю четырехгранный штык с винтовки то ли белогвардейца, то ли красного, но наверняка сгинувшего в гражданскую бойца. За двадцать минут вялого кладоискательства наша добыча составила примерно пятьсот баксов, по ценам черного рынка.

«Экспресс-газета»

О том, где спрятано золото Рады, написано в книге

В 1942-1943 годах в станице Ленинградской проходил Большой круг Кубанского казачьего войска, где атаманом был избран казак Ейского отдела, житель этой станицы. Однако интересен этот съезд тем, что на нем был зачитан доклад генерала Шкуро «О золоте Кубанской Рады».

По этому случаю в 1942 г. небольшим тиражом была выпущена брошюра «Золотой запас ККВ». Сейчас подлинник этой брошюры стоит около 2 тыс. долларов США. Ведь в этой книге есть весьма точные указания на то, где и когда было схоронено золото. К сожалению, до наших дней смогли дожить только несколько экземпляров, да и те далеко не в лучшем состоянии. Вскоре докладчик был арестован. В Ленинградском архиве НКВД, где он находился под следствием и был казнен, есть следственные материалы, которые проливают свет на место захоронения золота Кубанской Рады. Помимо Шкуро, в застенках НКВД сгинули еще несколько казачьих военачальников, которые также участвовали в том самом съезде и, соответственно, имели отношение к золоту Кубанской рады. На этом история с материалами казачьего съезда не закончилась. В 1933 г. есаул Кубанской казачьей Рады Хоменко и бывший сотрудник осведомительного агентства деникинской армии (попросту — контрразведчик) Овне Вильям, проживая в Сиднее, выпустил книгу «Казачье золото». Известный кубанский кладоискатель Юрий Харчук подал заявку на разрешение просматривать архив Лефортово. Кроме того, он считает, что для успеха дальнейших поисков нужно найти могилу атамана Ейского отдела ККВ генерал-лейтенанта Кухаренко, похороненного в Ленинградской. Существует положение, что рядом с его могилой в ложном бункере спрятано золото Добровольческой армии генерала Деникина.

Также, по мнению Юрия Харчука, часть золота спрятана в здании учкомбината станицы Ленинградской, который располагается возле речки на пересечении улиц Новой и Пролетарской. В полукилометре от этого здания проходила железнодорожная ветка, которая в 1919 году связывала бывшую Уманскую с Ейском. По его информации, часть золота из вагонов была сгружена и спрятана в здании учкомбината или в стороне от него, недалеко от реки.

Газета «Жизнь»

Тайна колодцев под Ленинградской

Иностранные потомки русских казаков зачастили в станицу Ленинградскую. Их интересует станичный подземный ход и Дубовая роща, на территории которой расположено много засыпанных колодцев. Некоторые считают, что именно здесь надежно упрятана солидная часть золота Кубанской Рады.

Станица Уманская — в 1934 переименованная в Ленинградскую — давно привлекает к себе кладоискателей со всего мира. Дело в том, что еще до революции, 1911-1914 годах, имперская жандармерия Ейского отдела Кубанской области выпустила специальную карту подземелий станицы.

Предположительно подземный ход начинается под старым зданием райотдела внутренних дел и заканчивается на территории агролицея и здания бывшего райкома ВЛКСМ. По плану карты, длина подземелий со всеми ответвлениями составляет около семи километров. Большая часть — до 98 процентов — на сегодняшний день засыпана. Последний раз подземелья осматривались во время строительства районной библиотеки. Вполне вероятно, что в Ленинградских подземных ходах золото есть.

Другим местом, где, возможно, спрятана часть золота, является станичная Дубовая роща. Она находится на берегу реки Сосыка. На сегодня в роще остались незасыпанными только восемь колодцев, хотя в 1920 году их было, по разным данным, от 54 до 62. Поиску скрытых колодцев мешает и то, что в последнее время река сильно обмелела и очень сложно делать привязку к местности по старым картам.

Дубовой рощей интересуются не только российские кладоискатели. В последнее время туда зачастили потомки кубанских казаков из Канады, Чехии, Югославии, Болгарии. Иностранцы под видом туристов толкуются в роще, делают фотосъемку, привозят с собой дорогую аппаратуру.

Канадцы как-то вооружились оборудованием стоимостью более двухсот тысяч долларов. Сербь и канадцы достали откуда-то фотографии местности, сделанные из космоса специалистами НАСА (!). Активно используются и глубинные приборы для поиска крупных предметов. С помощью металлоискателей «старатели» пытаются обнаружить подземные коммуникации.

Однако колодцам пока удается удерживать тайну. Но это, возможно, не надолго...

Газета «Жизнь»

Золото до Ейска не довезли

Когда белая армия оказалась в Крыму, Врангель неожиданно высадил десант генерала Улагая в районе станции Приморско-Ахтарской. Но зачем? Белые едва унесли ноги с Кубани и зализывали раны в Крыму, готовясь к длительной «отсидке», и вдруг этот десант. Позже историки свяжут данный факт с попыткой всколыхнуть кубанское казачество. Но казачество, не оказавшее никакого серьезного сопротивления большевизации Кубани, когда там была белая армия, уставшее к тому же от войн, вряд ли поднялось бы после того, как белых выбили в Крым. Врангель не мог этого не понимать. Значит, цель улугаевского десанта, устремившегося после высадки в сторону Екатеринодара, заключалась в другом.

По последним данным ККОФ, поступившим из архива Белграда и Международного клуба кладоискателей Парижа, Врангелю стало известно местонахождение клада... Но десант был разбит. Известно, что в 1921 г. в столицу Кубани прибыла специальная бригада ВЧК, созданная по личному распоряжению Держинского, задачей которой был поиск следов золота. Но в конечном итоге и ее усилия не увенчались успехом.

По сей день в закубанских станицах ходят легенды и слухи о судьбе бесследно исчезнувшего золота Кубанской Рады. По современной оценке экспертов наших и зарубежных, золото Кубанской Рады «тянет» на 5 миллиардов долларов США. Кто знает, может быть общими усилиями и удастся приоткрыть завесу над этой тайной. С августа 1999 года г. Краснодарский краевой общественный фонд «Русский кладоискатель Юрий Харчук» приступил к поиску золота Кубанской Рады в станице Ленинградской (до 1934 года — Уманской). Чтобы обследовать подземный ход длиной 7 км и точно убедиться, есть там или нет части спрятанного золота Кубанской Рады, Фонду потребуется более 8 лет.

Сейчас точно известно, что большую часть золота Кубанской Рады хотели вывезти через порт Ейска в Крым, но не получилось. По поступившим из Парижа данным из Международного клуба кладоискателей, в Ейский район ни одного килограмма сокровищ не попало. Если взять современную топографическую карту, становится ясно, что искать следует в районе железнодорожного полотна Тихорецк-Ейск. А именно: вокруг станиц Павловской, Атамановской, Ленинградской, Староминской, Старощербиновской.

Газета «Приазовские степи»

Русские древности стали еще дороже

Ажиотаж на официальном и черном рынках ископаемой старины начался, когда Тур Хейердал заявил о своей идее: цивилизация в Европу пришла из Древней Руси! По его мнению, викинги и англосаксы — это выходцы из Краснодарского и Ставропольского краев. Для доказательства своей гипотезы знаменитый путешественник незадолго до смерти начал раскопки около Ейска, но прямых доказательств версии найти не успел.

Несмотря" на неудачу, Хейердалу поверили многие частные коллекционеры мира и в ожидании сенсаций стали охотиться за всем, что оставили наши предки, жившие до крещения Руси. Готовые платить бешеные деньги за свои заказы, богатые собиратели породили волну кладоискательства, в которую с головой бросилось население с лопатой наперевес.

§ 1 миллион за перстень

О лучших находках кладоискатели молчат. Из известных самым ценным считается золотой перстень с изумрудом, на котором изображен рунический знак. Нашли его недалеко от того места, где начал свои раскопки Хейердал.

— То, что на камне скандинавский знак, ни о чем ни говорит, — считает президент Русского кладоискательского общества Юрий Харчук. — Перстень могли снять с какого-нибудь убитого варяга. Главное — цена перстня. За него просят миллион долларов. Таких денег кладоискатели еще не видели. Золотые клады, конечно, редкость. Но в последнее время стали находить их все чаще. Все оттого, что люди сидят без работы, а есть что-то надо, вот берут лопату и идут раскапывать старинные усадьбы, церкви, курганы.

Всевозможную рухлядь вроде пулеметов, пистолетов находят почти все. Часто попадаются предметы старинного быта. Только это все оценивается как мелочевка. Настоящая охота идет за всем, что осталось от поселений времен Римской империи, старых греческих городов. Черные археологи находят в Краснодарском крае даже античные статуи. Не целые, конечно, зато дорогие.

Урожай статуй с огорода

Некоторые завзятые кладоискатели вообще считают, что Тур Хейердал поднял вокруг России шумиху со спекулятивной целью — хотел поднять цены на археологическом рынке. Ведь, кроме официальных экспедиций, в Ейск и другие места приезжает множество неофициальных иностранных копателей. Чужаки втихую раскапывают охраняемые законом курганы. Точно так же, как это делают аборигены. И любая находка оправдывает экспедицию с лихвой. Находки кладоискатели не торопятся сдавать государству или продавать на черном рынке, ведь в обоих случаях они теряют более половины реальной стоимости найденного.

— Все ждут закона о земле, надеются, что после его принятия найденная на личном огороде статуя будет принадлежать хозяину, — поясняет Юрий Харчук. — Когда это произойдет, весь мир заговорит о найденных на русских дачах сокровищах.

«Экспресс газета»

Ночью на пустыре

С подачи известного в своих кругах кладоискателя из станицы Ленинградской Юрия Харчука стало известно, что, возможно, часть исторических ценностей может находиться в Староминской. Эта версия получила не так давно неожиданное продолжение. В подтверждение ей в редакцию местной газеты обратилась Анна Головкина, сообщившая, что ее прабабушка оказалась свидетелем загадочных обстоятельств, которые трудно объяснить естественным ходом событий.

...Была война, мужа не было, а на руках двое сыновей двух и четырех лет отроду. Жила она тогда в угловом доме на окраине станицы (сейчас это пересечение улиц Новощербининской и Украинской), а за забором был пустырь. Именно там ночью появилось большое число людей и груженных повозок. Преимущественно это были военные и казаки. Времена были смутные, поэтому немудрено, что женщина испугалась и, прихватив детей, схоронилась в деревянном сарае, откуда продолжала наблюдать за тем, как развивались события.

Военные согнали в кучу множество людей, которых заставили рыть лопатами большую яму. После этого в нее сносили какие-то тюки (было темно и рассмотреть в деталях не удалось). Затем копавшим, по всей видимости, приказали раздеться... Раздалась выстрелы... Люди валились в яму, а сверху их забрасывали землей... Рядом с захоронением (?) посадили тополь, выросший впоследствии в большое дерево.

На вопрос: почему же раньше об этом никому не рассказывалось, Анна Головкич ответила: «Рассказы о той ночи мы слышали часто, но никогда не заостряли внимание на них. К тому же там чужие дворы, чужие люди, искать там сокровища... Нет, я этим не занимаюсь».

Газета «Стенная новь»

Глубоко копают

Желтые уши

«Сверхсекретный Особый отдел, существующий в недрах ФСБ, занимается изучением аномальных явлений и поиском сокровищ. Деятельность отдела имеет стратегическое значение. То, что для нас мистика, для них — вторая реальность. Известный авантюрист и охотник за сокровищами Юрий Харчук, принимая выгодное предложение человека со странным прозвищем Варяг, даже не подозревает, во что ввязывается. Сам того не желая, он становится невольным участником скрытой войны между российскими и западными спецслужбами за обладание арийским наследием.

"Золото — прах на подошвах истории..." Это анонс романа, который писал молодой человек Андрей Коломицкий, находясь в офисе общественной организации «Русский кладоискатель Юрий Харчук». Постучав в дверь, мы обломали Андрею вдохновение, но он не обиделся.

— Юра в Одессе. Будет завтра. Он уехал за очередной партией шиншиллы. В коридоре стояла клетка с парой каких-то грызунов — нечто среднее между кроликами и короткоухими слоновыми прыгунами.

— Зачем кладоискателю шиншиллы?

— Это символ организации. Еще древние индейские племена заметили, что шиншилла чаще живет там, где есть золото.

Я снял с пальца обручальное кольцо и положил у клетки подальше от кормушки. С этого момента зверьки тусовались только у моего угла.

— Он с ними выходит на поиски, что ли?

Да нет. Просто разводит и продает. Кладоискательство — сезонный бизнес, а кушать хочется всегда. Но Юра ничего просто так делать не умеет. Вот, книжку зачем-то написал. — Писатель Андрей протянул мне сигнальный экземпляр «Сборника практических советов русского кладоискателя Юрия Харчука по содержанию шиншиллы в малом подсобном и фермерском хозяйстве», «...Встречается у шиншилл и заболевание, носящее название «желтые уши», — прочитал я, открыв наугад. — У зверьков действительно желтеют уши и вся кожа, поскольку в тканях начинает скапливаться не усвоенный организмом каротин».

На следующий день, когда русский кладоискатель вернулся, пожелтение ушей случилось у нас с фотокором.

Он появился в офисе стремительно и громко, как Верка Сердючка, и с этого момента не замолкал ни на секунду, производя словесный поток такой плотности, что угнаться за ним человеческому слуховому аппарату не дано. Когда потом я читал в разных документах фразы типа «за эту работу взялся коллектив общественной организации «Русский кладоискатель Юрий Харчук», я был готов поверить, что Харчук — это не человек, а именно коллектив. Особенно после того, как директор местной частной клиники Артем Альбертович Давидян поведал: пульс у кладоискателя такой, что еще немного — и хватило бы на двоих спокойных людей.

Но все это не означает, что Харчук — местный сумасшедший. Харчук — обычный российский кладоискатель. Других не бывает. Если посчитать все, что ему уже удалось извлечь из земли, можно было бы построить трехэтажный особняк, вырыть возле него пруд, а каждому члену семьи завести по «Мерседесу». Но ничего этого у Харчука нет. Найденные ценности тут же тратятся на поиски других. А вдалеке маячит голубая мечта. Если она когда-нибудь сбудется и Юрий найдет то, что обещает найти, ему поставят памятник не только в станице Ленинградской, но, пожалуй, и в Краснодаре.

Золото под дубом

Октябрь 1917 года. Несмотря на решительные протесты Временного правительства, Краевая казачья рада приняла постановление о выделении края в самостоятельную Кубанскую республику. В феврале 1918 года к Екатеринодару (нынешнему Краснодару) со всех сторон подступили красноармейские отряды. Перед краевым правительством встал вопрос: что делать с кубанской казной? Ценные акции, золотые чаши, венцы, кресты, кадильницы, иконы в золотых ризах, собранные со всех церквей Кубани, а также драгоценности и реликвии Кубанского войска, украшенные жемчугом и самоцветами, — все это царское правительство держало в Екатеринодаре для финансирования военных действий на турецком фронте. Решили вывезти. Чтобы погрузить драгоценности, потребовалось 80 подвод. Дальнейшая судьба казны неизвестна. Исследователи уверены: за границу сокровища переправлены не были. Не вызывает особых разногласий и примерная оценка золота Кубанской рады — 5 миллиардов долларов.

— Я уверен, что оно лежит где-то рядом, — Харчук говорит с такой скоростью и страстью, что я не уверен, поспевает ли за ним диктофон. — Точно известно, что его хотели вывезти через порт Ейска в Крым, но не получилось. По данным парижского Международного клуба кладоискателей «Сокровища вокруг нас», в Ейский район ни одного килограмма сокровищ не попало. А теперь посмотрите, — Юрий развернул топографическую карту Кубани. — Вот примерный маршрут движения обозов, вот Ейский район. Очевидно, что искать следует вокруг станиц Павловская, Атамановская, Староминская, Старощербиновская и Ленинградская. Французы мне говорят: «Мы бы с удовольствием купили патент на поиск этого золота, но в России нет закона о кладоискательстве. Поэтому будем искать с конспирацией». Они уверены, что по крайней мере часть сокровищ точно спрятана в одном из засыпанных колодцев Дубовой роши, которые от нас с вами в пяти километрах.

- Юра... А мы успеем туда раньше французов?
- Думаю, успеем.
- Тогда поехали.

Привет от Геродота

По дороге мы захватили Вадима Мелентьева (он балуется кладоискательством в свободное от работы время) и Григория Поладова — человека редкой национальности. Григорий — удин. Удины — потомки древнейшего народа, населявшего всю нынешнюю территорию Азербайджана. Об удинах упоминал еще Геродот в своей «Истории». До 90-х годов удины проживали в нескольких селах на территории Азербайджана, но во время армяно-азербайджанского конфликта им пришлось переселиться на Кубань. Вера удинов — православная, в их языке 54 буквы, в станице Ленинградской их 61 человек, а во всем мире — шесть с половиной тысяч. Когда удин сел в машину, я боялся до него дотронуться, чтобы, не дай Бог, не повредить такой редкий человеческий экземпляр.

Григорий — ювелир, он клады не ищет, он их оценивает.

Юра Харчук — его постоянный клиент, но несут к нему находки и приезжие люди, которым не терпится скорее узнать стоимость найденного счастья. Первый сигнал, что скоро принесут что-нибудь интересное, как правило, поступает от доктора Давидяна. Если к нему пришли незнакомые люди с телесными повреждениями — уже ни у кого нет сомнений, что клад найден. Ножевые раны, переломы, ушибы головного мозга — неизбежные последствия раздела ценностей.

Но сначала 90 процентов приезжих кладоискателей приходят к Харчуку. Кто — за металлоискателем, кто — за картой с вероятным местонахождением сокровищ, кто за «Справочником кладоискателя» а те, кто еще не знает про желтые уши — просто пообщаться. Юрий уже давно научился неплохо зарабатывать на продаже орудий труда и аксессуаров для поиска кладов (как известно, на золотой лихорадке в Калифорнии разбогатели не старатели, а их поставщики). Его мечта номер два (после золота Кубанской рады) — сделать в Ленинградском районе заповедник для поиска сокровищ, что-то вроде Стивенсонленда.

— Для большинства кладоискателей найти сундук с золотом — не главное, — считает Харчук. — Они даже боятся этого. Потому что тогда придется либо драпать за границу, либо иметь проблемы с Уголовным кодексом, либо отдать клад государству и приобрести несмыслаемую репутацию идиота. В кладоискательстве самое интересное — то, что вокруг да около сокровищ. Изучение вопроса, поиск архивных документов — клады всегда связаны с драматическими событиями истории, в спокойное время люди в землю богатства не зарывают. Ну и сам процесс — выезд в поле, пикничок на закате, между делом можно и металлоискателем помахать. Активный отдых. Да сейчас сами все увидите. Действительно Дубовая роща. Действительно колодцы. Говорят, всего их здесь штук семьдесят, но нам попало лишь четыре. Когда-то здесь стояло большое казачье войско, а в колодцах казаки хранили продукты. Даже после того, как колодцы засыпали, их глубина достигает 10-15 метров, поэтому вниз мы решили не спускаться, а стали обследовать территорию вокруг. Результат целого дня работы — увесистый медный пятак 1775 года и серебряное кольцо с масонской символикой. Ценность кольца пообещал определить удин Григорий, а насчет монеты высказался Харчук: «Если бы последние цифры были бы не 75, а немножко другие, это стоило бы тысяч пять долларов. А так — 100 долларов максимум».

Услышав это, Вадим Мелентьев стал ожесточенно прочесывать местность. Но тщетно.

Газета «Известия»

Тайна екатеринодарского подземелья

А был ли город?

Многие ученые относятся к идее существования подземного города скептически. В их числе — историк Виктор Соловьев: «Когда было казакам подземелье строить? Им хлеб было некогда убирать. Сами — в походах, дома женщины да детишки малые». Не верит в подземелье и краевед Виталий Бардадым. «Да не было никакого подземелья. Бомбоубежище на месте Белого собора — было. Его начали строить в конце войны. Наверху, где сейчас фонтан, стояла будка с часовым. До 1968 года на месте фонтана располагался штаб ПВО». Но есть и другая точка зрения.

— Подземелье было, — уверен краевед, большой знаток всего таинственного, что связано с историей города, Иван Федоренко.

По его мнению, казаки в подземельях знали толк. Ходы связывали стратегически важные объекты: станции железнодорожного вокзала, арсенал, дворец наказного атамана. Обязательно был выход к Кубани. В случае нападения на Екатеринодар внешних врагов целый гарнизон мог уйти под землю.

Внизу, как и наверху, история и современность идут бок о бок. Достижениями казаков пользовались фашистские оккупанты. Существует легенда о бункере в городском парке, в котором, якобы, располагалась ставка заместителя Гитлера на Северном Кавказе. Так это или не так — проверить не представляется возможности. Однако когда в горпарке прокладывали трубы, рабочие наткнулись на мощную кирпичную кладку и кабель толщиной с кулак. По приезде «людей в штатском» все строительные работы были немедленно прекращены.

Говорят, что подземные ходы хранят потерянный архив советского эвакогоспиталя, уложенный в законопаченные воском зеленые ящики, и даже... золото Кубанской Рады.

— Деникинцы сами пустили слух, что золото вывезли в Югославию, чтобы отвлечь от него внимание, — считает Иван Григорьевич.

О чем молчит Кожушнер

Облик подземелья Екатеринодара начал складываться при наказном атамане Кубанской области Якове Дмитриевиче Маламе. Центром подземного города служил Войсковой собор Александра Невского, построенный по проекту военного архитектора Ивана Денисьевича Черника в 1872 году. От собора лучами во все стороны расходились подземные ходы. Первый, старейший, вел в войсковую гимназию (позднее — в Александровское реальное училище), здание которой было построено в 1876 г. Этим ходом пользовались во время Великой Отечественной войны. В подвалах собора от бомбежек могло укрыться около тысячи человек.

Второй «луч» вел во дворец наказного атамана постройки 1894 г. (сейчас на его фундаменте стоит школа № 48). Затем были построены ходы, соединяющие Свято-Екатеринославский собор (1890 — 1914 гг.) и Троицкую церковь (1899 — 1907 гг.), первую мужскую гимназию (Дворец пионеров, 1906 года постройки).

Идею строительства подземелья, заложенную Черником, продолжил Мальгерб. Эта гипотеза тем более вероятна, что сын парижского коммунария Иван Клементьевич проектировал аллеи в городском саду. О том, что подземелье там существует, говорят многие факты. Один из них — провалившаяся под землю хатенка неподалеку от парка имени Горького.

К слову сказать, подземные пустоты рукотворного происхождения Краснодара частенько доставляют неприятности строителям. В прошлом году, например, во дворе дома по улице Октябрьской, 115, провалился под землю «КрАЗ». Сквозь образовавшийся проем жильцы видели чудный коридорчик, который позже был засыпан мусором. В соседнем дворе при строительстве фундамента в образовавшуюся полость провалился дом. Неподалеку, напротив магазина «Цезарь», во дворе дома был обнаружен таинственный колодец с внутренними дверцами.

Предположительно, магистральные «улицы» подземелья связывали между собой церкви города. Когда шла литургия, архиерей в полном облачении мог появиться то в одном храме, то в другом. Между тем, на поверхности его никто не видел.

Есть свидетельства, что когда в Красном соборе обнаружили склепы, один из них находился у входа в подземный тоннель и вход этот был очень узким. Там нашли монету, человеческие останки, ящики и старинные книги, написанные «по-русски» и «не по-русски». В свое время эта история нашла отражение в прессе.

До взрыва Белого собора советская власть пыталась использовать его в качестве клуба. Для молодежи в нем устраивались танцы. Однако на них мало кто ходил, поскольку музыка, резонируя в подвалах собора, сливалась в сплошной гул. Войсковой собор пытались подорвать несколько раз. Руководивший операцией военный инженер одессит Кожушнер о том, что он увидел под собором, никогда не рассказывал. Вероятно, он обнаружил под ним нечто такое, что заставило его молчать.

Один из подземных ходов видела я сама. Вход в него расположен на цокольном этаже Свято-Троицкой церкви прямо под алтарем. Ведет к нему тяжелая низкая арка, выложенная кирпичом-железняком. Узкий, не больше восьмидесяти сантиметров, ход засыпан землей. Похоже, он тянется к Кубани. Расчищать подземную галерею в церкви не собираются. «Опасно, — поясняет мне нежелание производить выемку грунта мой проводник — председатель Приходского совета храма Святой Троицы протоиерей Анатолий Байдецкий. — Да и ни к чему нам это».

Диггеры в Интернете

Несколько лет тема подземелья Екатеринодара-Краснодара усиленно муссируется в Интернете. В сети бурно обсуждаются маршруты экскурсий по коллектору, узловые пункты городской «подземки».

«Есть один перспективный кварталчик в пределах улиц Ленина — Седина — Орджоникидзе — Гудимы. Снаружи — здание бывшей солодовни. Невзрачное строение с огромной кирпичной трубой. Под ним — бункер в несколько уровней с чугунными лестницами», — откровенничает Мимошеп.

«Я работала в этом подвале на улице Гудимы. Подвал там огромный. Наш шеф говорил, что плана нет даже в РЭПе, поэтому ему не могут начислить сумму налога с занимаемой площади», — вторит ему пользователь Интернета Люба.

Популярным объектом для обсуждений является подземное сооружение в Первомайской роще. На глубине нескольких метров вентиляционная шахта разветвляется на три хода. В конце третьего — дверь с табличкой «закрыто на обед». В туалете — унитазы со свастикой... Есть мнение, что в подземные ходы гитлеровцы сбрасывали радиоприемники, отобранные у оставшихся в осажденном городе жителей.

Кое-кто из энтузиастов даже преуспел в составлении схем подземного города. Одна ветка подземки ведет от вокзала через солодовню, воинскую часть рядом с молодежным театром, Екатерининский собор, школу № 48 к крепостному валу в районе завода Седина.

Несколько человек готовы реально спуститься под землю. В их числе главный бухгалтер крупного краснодарского предприятия, ответственный работник коммерческой фирмы, менеджер по продаже сотовой связи, врач, и даже... известный ученый, скрывающийся под псевдонимом Паисий Хелендарский.

Интерактивные диггеры выработали своеобразный моральный кодекс искателей приключений. Он гласит: прежде чем спуститься, надо иметь представление, как вылезти обратно. И еще: честный диггер должен быть альтруистом и забыть о золоте Кубанской Рады.

Травка зеленеет... крысы шелестят

О выходе подземелья на поверхность могут говорить «вторичные признаки»: иные, чем вокруг, растительность, цвет и строение грунта, сочащаяся сквозь проломы в асфальте вода.

Под землей небезопасно. В пустотах могут скапливаться газы. Для спуска под землю необходимо профессиональное снаряжение. Кроме того, в шахтах мрачно, сыро и противно. Трубы канализационного коллектора облюбовали крысы. Среди обитателей андеграунда можно встретить популяцию Мадагаскарских тараканов с ладонь величиной. Когда-то «милые насекомые» сбежали из живого уголка кукольного театра. Теперь они пугают непрощенных гостей подземного города.

Поэтому хорошо, что большинство диггеров-любителей предпочитают барахтаться в паутине Интернета, чем в фекальных массах чрева большого города.

«Запрет — «не пущать» — сидит у нас в головах

Сочувственное отношение к диггерам-любителям высказывает бывший (прим. Пуа) генеральный директор Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына, кандидат исторических наук Виталий Бондарь. Он не сомневается, что подземный город существует, и от идеи провести его исследование отказываться не собирается. Тем более, что ходы — они тут, под ногами. Один из них тянется из столярной мастерской музея.

— По природе я эмпирик и мистик. Из этого складывается моя профессия. Изучение подземного города может дать много новых знаний о градостроении, тектонике и строении почв. Кроме того, для меня важны скрытые следы присутствия тех людей, которые жили в Екатеринодаре-Краснодаре раньше.

— Почему вы решили, что вам позволят спуститься под землю?

— А кто покажет мне документ, в котором сказано, что этого делать нельзя?..

Мы не проводим археологические изыскания, для которых нужно брать «открытый лист». Мы не собираемся эксгумировать захоронения — то есть, моральных запретов мы не преступаем. Запрет — «не пущать» — сидит, скорее, в головах представителей власти, чем он реально прописан на бумаге.

Перед нами открывается новая страница в изучении Екатеринодара-Краснодара. Удастся ли ее перевернуть — большой вопрос.

Газета «Кубанские новости»

ГЛАВА 4

Калиновый цвет

Отвечая на вопрос: куда делось золото Кубанской Рады, Юрий Харчук заметил, что часть подвод с ним оказалась спрятанной в горах Кавказа. О подробностях этой достаточно противоречивой по сведениям операции есть несколько версий. Об одной услышал во время встречи с известным писателем Кубани Кузьмой Филипповичем Катаенко, родом из станицы Челбасской.

В начале 70-х прошлого века, приехав на свою малую родину, он «заглянул» и в соседнюю станицу Крыловскую, в которой после Великой Отечественной войны жил, работал, в частности, в местной районной газете.

...Конец лета выдался на редкость знойным: в палисадниках повяли цветы, пожухли и сорные травы. Вместе с Иваном Трофимовичем Щеголь мы пришли в местный Дом культуры немного запозднившись — гость уже сделал краткое вступительное слово и рассказывал о своем творчестве, в частности, о сборе материала для написания повести «Сестры». Для этого писателю пришлось оставить пост директора школы и уехать пасечником в предгорье Кавказа. В те самые места, где, по воспоминаниям старожилов, в годы гражданской войны «белые» схоронили золото Кубанской Рады.

Увлечено слушали рассказ именитого земляка. Небольшого роста, коренастый, в простой белой рубахе с короткими рукавами, Кузьма Филиппович в ту минуту действительно во многом смахивал на заглянувшего на «огонек» украинского пасечника: загорелое лицо, живые веселые глаза выдавали в нем щедрого казака, а его «побрехеньки» вызвали неподдельный интерес у слушателей. Распался старик, его шутки-прибаутки, пословицы, поговорки и скороговорки завороживали. Часа полтора в прохладном зале старинного «нардома» гость говорил и говорил...

Встреча закончилась, и вдруг Кузьма Филиппович спохватился:

— Друзья, я же вам не рассказал о главном — о золоте Кубанской Рады. Это интересно... Ну, ладно, в другой раз поведаю о байке-старовине...

Когда зал опустел, мы вместе с Иваном Трофимовичем подошли к улыбающемуся Катаенко. Обменялись мнениями, взяли автограф.

— Кузьма Филиппович, когда навестите нас? — поинтересовались.

— А бис его знае. Занят да и семейные неурядицы, как хомут на шее...

— Хотелось бы прочитать книгу, в которой вы рассказываете о тайне золота Кубанской Рады.

Кузьма Филиппович подошел к столу, взял книгу:

— Вот в этом романе «Калиновый цвет» все о нем, о многом другом, занимательном. Издана она в Краснодарском издательстве тиражом 50 тысяч экземпляров. Разошлась быстро... Надо бы переиздать...

Томик был со вкусом оформлен. На обложке — два вековых дуба, обдуваемых ветром, а дальше, на видимом косогоре — снежные заплаты.

— Моя литературная версия о золоте, пожалуй, самая правдивая. Прочтите. Уверен, не пожалеете...

Позднее в Армавирском пединституте, в котором учился, купил случайно брошюру с публикациями местных ученых. Привлекла внимание статья кандидата филологических наук Ивана Королева о художественных достоинствах романа «Калинов цвет». Понравилась. С первой оказией передал в дар своему именитому земляку в Краснодар. И книгу его прочитал. Написанная добротным языком на местном колоритном материале, она буквально заорожила с первой страницы — в ней автор писал о тайне перевозки и припрятывании в горах золота Кубанской Рады, о чем, к слову, читал я впервые. Несколько лет рукопись пролежала на полке редактора, ждала своей очереди, своего часа. Дождалась-таки... Вчитайтесь и вы в строки предлагаемого отрывка...

Калиновый цвет (отрывок из романа)

В углу двора Екатеринодарского казначейства, обнесенного высокой стеной из плитняка, на связке сена лежали два пожилых казака из станицы Чигиринской. Время перевалило за полночь, но оба не спали. Мешали думы о доме и орудийная канонада со стороны Ростовского шоссе.

Приехали они в город продать груши и купить плуги для весенней пахоты, но им не повезло. Базар оцепили гвардейцы Кубанской Рады и забрали все подводы в армейский обоз. Тут только станичники узнали, что против Рады восстало большинство станиц Кубани и фронт образовался в двадцати километрах от города. Днем Казаки возили снаряды на фронт, а на ночь их запирали в казначейский двор.

Войска Рады не выдерживали натиска красногвардейских отрядов, отступали. Вечером бои завязались в пригородном хуторе Сады. Гул орудий не утихал всю ночь.

Длинный и тощий казак Демид Оберемок тронул за плечо своего соседа, старика Дадыку. Потом наклонился к его уху и зашептал, боясь, что его услышат юнкера, охранявшие казначейство:

— Кум Семен, слышишь, как заиграли пушки? Жмут красные. Не сегодня, так завтра возьмут Екатеринодар. Давай сей минуту бежать в Чигиринскую. Ночка темная, охрана дремлет. Время.

— Как сей минут? Ты хочешь без коня и арбы?

— Кум, бросим все к чертовой матери. Иначе нам несдобровать.

— Нет, кум. Без коней не могу. Тогда я нищим стану.

— Кум, голова дороже коней, — убеждал Оберемок. — Да и не хочу я Раде помогать. Не хочу за Раду гинуть. И дети у меня малые. Девять. Бегим сейчас, — настаивал Оберемок. — Ночка темная, махнем через стену, только нас и видели.

— Нет, лошадей я не брошу, — решительно заявил Дадыка. — А ты как знаешь, кум...

Их беседу прервал громкий стук в железные ворота. Часовые открыли их, и во двор вбежало три казака в бурках. Впереди шел высокий и крепкое сложенный Микола Рябовол — глава законодательной Рады. За ним его помощник, первый богач станицы Чигиринской Пимон Бунчук. Третьим был начальник разведотдела Рады горбатый сотник Степан Пилюк.

Пимон Бунчук закричал на весь двор:

— Подъем! Запрягай арбы! Стройся в колонну! Двор сразу наполнился шумом, ржанием лошадей, окриками ездовых. Дадыка бросился запрягать коней. К нему подошел Оберемок, задержал руку:

— Кум, спасаемся. Самое время улизнуть. Суматоха. Пускай Пимон сам едет на позиции. Бегим.

— Нет, — отказался Дадыка. — Может, отступить в горы будем. Подожду малость.

— Как хочешь, кум, — разочарованно произнес Оберемок. И попросил: — Если сможешь, то приведи моих коней, а я бегу.

Он прошел к стене и, никем не замеченный, перелез через нее в соседний сад.

Не успел Дадыка запрячь лошадей, как возле него остановился Пимон Бунчук и, не здороваясь, сказал:

— А-а, это ты, сосед. Запрег? Выезжай к воротам. Поедешь со мной.

Он облюбовал еще несколько подвод и повел их к войсковому собору в центре города. На паперти Дадыка снял шапку, закрестился и опустился на колени, собираясь сделать земной поклон, но Пимон схватил сзади его за воротник, поднял и толкнул в двери собора.

— Одень шапку. Бог простит. Не молиться пришли. Внутри огромного собора светилась только одна люстра, и в полумраке лики святых глядели угрюмо и строго. Группа казаков укладывала в ящики кресты, кадильницы, чаши и всякую церковную утварь из золота и серебра. Евангелии в золотой оправе совали в мешки.

В углу лежала целая гора серебряных труб духового оркестра. Пимон указал на них Дадыке:

— Трубы грузи на свою арбу. Она у тебя с плетеными стенками. Не вывалятся.

Не успел он погрузить и половины труб, как из алтаря вышел Пимон с продолговатым ящиком в руках. За ним два казака несли в стеклянном колпаке золотой ковчег, сверкающий бриллиантами. Дадыка растерялся, глядя на великолепную святыню, а Пимон крикнул казакам:

— Ковчег в мешок на арбу Дадыки. К трубам. Сами с ним поедете. Пропадет — уничтожу весь род ваш до двенадцатого колена. — Он подступил к Дадыке, показал содержимое ящика. — Гляди. Эта золотая сабля, украшенная бриллиантами, святыня нашего войска. Саблю подарил Суворов нашему атаману Захарии Чепиге за взятие Измаила. Береги, иначе голову оторву всему твоему роду. Увезем все в горы, спрячем от большевиков.

За час все ценности собора были погружены и под сильным конвоем доставлены во двор казначейства. Пимон подбежал к Рябоволу доложить, но тот не стал слушать, показал часы на ладони:

— Ты, братику, долго возился. Уже четыре часа. В пять мы должны быть за городом.

— Но и тут еще не погружены ценности, — указал Пимон на десять порожних подвод, стоявших в очереди у подвала.

— Сейчас подгоним, — промолвил Рябовол, сведя к переносице толстые русые брови с рыжиной. — Сбегай, бр-ратику, в подвал, — предложил он Пимону. — Поторопи казначея. Пусть не берет расписок с каждого ездового за каждый мешок. Может, с красными снюхался, хочет задержать погрузку золота до восхода солнца. Не послушает, пристрели, как собаку.

Пимон одним махом сбросил с плеч лохматую бурку и налегке метнулся в подвал, словно гончая, спущенная со сворки.

Рябовол удовлетворенно хмыкнул и повернулся к начальнику разведотдела горбуну Пилюку:

— И ты, бр-р-ратику, не торчи возле меня. Поторопи грузчиков. Сонные бродят. Который вольнит, стреляй моей рукой.

Низкорослый, с лицом скопца, Степан Пилюк кубарем скатился с высокого крыльца, и его карликовая фигура затерялась среди людей, подвод и лошадей. Но это только так казалось. Не прошло и пяти минут, как весь двор резко оживился. Грузчики стали носить мешки бегом, а горбун, похожий на черную каракатицу, стоял на каменных перилах входа в подвал, покрикивал и тыкал в каждую спину длинными стволами маузеров, которые держал в каждой руке.

Из подвала вернулся Пимон. Подымая с перил крыльца свою бурку, сказал Рябоволу:

— Казначей было заартачился, а когда я сунул под его горло острие кинжала, бросил свои книги и ручку, сам стал подавать мешки грузчикам. В подвалах золота осталось мало.

— Добре, братику, управимся в срок, — повеселел Рябовол. — Грузчики зашевелились. Степан умеет заставить. Он понимает, что для нас значит золото. Если красные отнимут у нас золото, то Кубань потеряет самостоятельность.

Сохранности золотого запаса Рябовол придавал первостепенное значение. Хотя власть Рады существовала всего несколько месяцев, но много золота, серебра, бриллиантов и других ценностей накопилось в ее подвалах. Его спешили вывезти в горы и там запрятать до поры до времени.

Рябовол знал, что в помощь красногвардейским отрядам, охватившим Екатеринодар с трех сторон, от узловой станции Тихорецк движется крупное соединение красных под командой Ивана Сорокина. Нового удара войска Рады не выдержат и город сдадут в ближайшее время. Это подстегивало его скорее увезти золотой запас.

Он заранее подсчитал, что на шестидесяти подводах вместятся ценные акции монополий, а также золото и серебро, которое царское правительство держало в Екатеринодаре для оплаты войны на турецком фронте. Кроме того, еще сорок миллионов, полученные Радой от французских банкиров на расходы по организации Рады.

Много места занимали золотые чаши, венцы, кресты, кадила, евангелия и иконы в золотых ризах, украшенные жемчугом и самоцветными камнями, собранные со всех церквей Кубани. Забирал Рябовол и реликвии Запорожского войска, привезенные в Екатеринодар из Запорожской Сечи во время заселения Кубани, — золотые литавры, серебряные трубы, булавы, оружие, церковную утварь из золота и серебра.

Увидев, что нагружают последние подводы, Рябовол вытер пот на лбу, будто он сам носил тяжелые тюки, сказал помощнику:

— Пускай же Пилюк гоняет лодырей, а ты иди, братику, за мной.

Пимон Бунчук молча последовал за Рябоволом. Тот, остановясь посредине пустого кабинета, заговорил шепотом:

— Даю тебе, братику, последний наказ. Место, где будет храниться казна, будут знать только три человека: я, ты и священник Калабухов, благочинный из станицы Новопокровской. Золотом распорядиться Рада доверила мне. И если так станется, что господь возьмет меня к себе, золотом распорядится тогда Калабухов. Если мы все трое погибнем, место захоронения укажет новому правительству Кубани швейцарский банк. И еще запомни. Кто из нас троих кому расскажет о золоте, того постигнет страшная кара. Погибнут мужчины того рода до двенадцатого колена. Помни...

Рябовол многозначительно замолчал и взглянул в черные глаза собеседника. Тот выдержал тяжелый взгляд Рябовола. Ни единый мускул его лица не дрогнул.

Рябовол остался доволен и более мягко сказал:

— Тебе, Пимон, разрешаю тратить золото для нужд сторожевого отряда. Но немного. Экономь, Пимон, золото. Оно не мое и не твое. Это добро народа нашего.

Пимон Бунчук подался к Рябоволу.

— Батько Мыкола, да разве я не достану в горах, чем прокормить хлопцев? У нас же ружья и сабли в руках!

Рябовол положил руку на плечо Пимона, похвалил:

— Хвалю, братику, хвалю. Кубань тебя не забудет. И еще помни. Нам придется воевать с большевиками и всем светом долго, может, не один год. Золото нам потребуется, так выдавай его только по моему приказу. Письменному. С приказом всегда будет пароль: какая-либо вещичка. Вещица целая — деньги выдай, поломанная — денег не давай, а подателя уничтожь. Рябовол замолчал и посмотрел в окно. Туда же повернул голову и Пимон. Подводы, укрытые брезентами, выстраивались перед воротами. Казаки конвойного взвода, которые должны были сопровождать золотой обоз, уже сидели на лошадях, некоторые пробовали, легко ли снимаются карабины.

Рябовол широким жестом указал на двор, тихо, но внятно приказал:

— Всех людей уничтожь. Душа, братику, плачет, но свидетелей не должно быть. На скулах Пимона заиграли желваки, дрогнули усы:

— Все будет сделано, батько.

Рябовол крепко обнял Бунчука, поцеловал в щеку.

— Спасибо, Пимон. Ну, теперь в путь. Веди обоз. И будь всегда в районе станицы Чигиринской, сделай так, чтобы на десятки верст вокруг того места, где захоронено золото, люди и звери боялись показываться. Ну, с богом!

Пимон вышел во двор. Сразу же растворились кованые ворота, выехала часть конвоя, и брички потянулись со двора.

Длинный обоз двинулся по пустынным улицам города.

Ранним утром следующего дня, измотав лошадей, Пимон привел золотой обоз в узкое ущелье, расположенное в ста километрах от Екатеринодара. Возчики и охрана боязливо посматривали на угрюмые скалы, нависшие над головой. Казалось, они висели в воздухе и нет им

ни конца, ни краю. Густой туман затянул ущелье. Все звуки тонули. Только водопад глухо грохотал.

Пимон поглядел на приунывших людей, наклонился с коня над одной подводой и, дернув брезент, похлопал рукой по бочонку.

— Хлопцы, не киснуть. Вот тут есть чем скуку разогнать. У кого какая посуда есть, подходи, угощу коньяком. Много не дам, пьяные будете. А когда за кончим разгрузку обоза, тогда весь бочонок ваш. Батько Рябовол не пожалел его дать из запаса наместника Кавказа. Подходи. Когда все получили по кружке коньяка и по куску окорока, Пимон снова заторопил.

— Ну теперь за дело. Каждый бери в мешок у казначея, сколько подымет, и гайда за мной. Только никто не вздумай увильнуть с мешком в лес. Кругом стоит охрана. Ей приказано стрелять всех, кто выйдет за линию часовых. Окончим разгрузку, каждый получит по золотому.

Люди, выпив коньяк, повеселели. С прибаутками брали груз и выстраивались в цепочку, вдоль обрыва под нависшей скалой. Из ущелья, казалось, нет выхода, но Пимон знал путь. Он раздвинул кусты орешника и вывел на козью тропу, петляющую в изломах скал. Она круто подымалась вверх и скоро превратилась в узкий карниз, висевший над пропастью. Пимон шел впереди, покрикивал:

— Хлопцы, смотри под ноги. Сорвешься, костей не соберешь!

После тяжелого полуторакилометрового пути возчики оказались на небольшой площадке перед узким входом в пещеру. Сразу попали в большой полукруглый зал с высокими сводами. Сверху, в большую расщелину, вливались снопы света. В одном углу стояла широкая деревянная кровать, а на ней копна душистого сена. На крюке, вбитом в стену, висело ведро и медный котелок. Видно было, что пещера обжита. Но в ней не остановились, Пимон повел людей в темноту. Прошли несколько десятков шагов по пологому скату, устланному мягким песком, и уперлись в тупик. Пимон зажег смоляной факел и указал на квадратное отверстие под ногами, пугающее бездонной чернотой.

— Сюда залезать, — приказал Пимон. — Там лестница в десять ступеней, а дальше простор. Внизу снова оказались в полутемном длинном зале. Откуда-то тянулся влажный ветерок и обдавал уставших людей приятной прохладой.

— Сейчас будет вода, — предупредил Пимон, — но не бойтесь - не глубоко. Шагайте смело. Предупредите всех по цепи.

По пещере глухо прошла перекличка:

— Внимание! Впереди вода.

— Вода тут вкусная. Можно пить, — объявил Пимон. — Всем держаться правой стены. Влево ямы, утонуть можно.

Скоро стало мелеть, а пещера раздвоилась. Влево открылось светлое озеро. Сине-голубое зеркало озера отражало черные стены и причудливые сосульки на потолке: белые, зеленые, золотистые. В свете факела они искрились, сверкали всеми цветами радуги. Пимон повернул влево и пошел по низкому и темному проходу. Здесь воздуха не хватало, люди тяжело дышали под тяжелым грузом. Послышался ропот, кто-то упал с ношей, но тут Пимон остановился, крикнул:

— Хлопцы, ша! Мы пришли.

Он воткнул факел в расщелину над головой. Свет озарил большую, почти круглую пещеру. Потолок тонул во мраке, а желтые стены были расписаны фигурами диких людей и невиданных животных. Факелы чадили, огонь колыхался, а фигуры дикарей и зверей на стенах колыхались, прыгали. Все они казались живыми, мечущимися.

— Ой, господи, — протянул кто-то из пожилых возчиков, — попали в ад крошечный. Вынеси, господи, живыми...

— Работай живей, братья, скорее белый свет увидите, — подбадривал Пимон и сам помогал складывать в штабеля мешки с банкнотами, ящики с золотой утварью.

Работу закончили на закате солнца.

Пимон отпустил возчиков, а сам вернулся в пещеру. Он дошел до того места, где ход шел вниз через колодец с лестницей, и там принялся за работу. Люк колодца, сделанный из дубовых досок, накрыл дверцей, плотно вошедшей в пазы, и засыпал песком, разровнял его по дну пещеры. И только когда убедился, что следов люка незаметно, вышел из пещеры и огляделся.

Солнце село за горы, воздух посвежел. Стояла такая тишина, что Пимон слышал писк мыши, а ему хотелось услышать выстрелы, крики, но их не было. Это насторожило Пимона. Тревожно подумал: «Неужели конвой изменил, не перебил возчиков? Или уже все кончено?»

Но в эту минуту до его слуха донеслось хриплое дыхание, шарканье ног о камни.

Пимон встал на порога пещеры, готовый укрыться от опасности. На площадке появился один возчик, станичник Пимона, старый казак Семен Дадыка. В глазах испуг, из перекошенного рта вырывался хрип. Увидев Пимона, он прислонился к скале, прохрипел:

— Пропали мы, Пимон... Все люди пропали... Грабители всех перестреляли... Один я спасся... Скоро будут тут... Спасайся, Пимон. Спасай меня. Из рукава Дадыки капала кровь. Пимон указал на скалу.

— Иди, братику, за камень. Тропа огибает гору. Спустимся с другой стороны. Иди первым, я прикрою тебя.

Дадыка не стал дожидаться второго приглашения, поспешил шагнуть за камень.

Пимон поднял пистолет и выстрелил в спину. Возчик зашатался, упал на колени, повернул голову к Пимону.

— Ты... ты...

Он не договорил. Пимон выстрелил ему в голову, потом столкнул с тропы в пропасть. Несколько минут наблюдал, как тело тяжело билось об острые выступы скал, цеплялось за них, срывалось и, оставляя лохмотья бешмета на камнях, летело все ниже и ниже.

Пимон перекрестился.

— Слава богу. Главное получилось добре. Батько Рябовол доволен будет...

В ущелье Пимон спустился в темноте. Тянуло морозцем, и конвоиры разложили три костра. На одном казаки готовили ужин — жарили над огнем дикого козла, проткнутого оструганной жердиной. На угли капал жир, шипел, и костер вспыхивал ярче. Пимон проглотил слюну, присел на бревно у костра и устало промолвил конвоирам:

— Подходите, хлопцы, всем дам по золотой десятке. Так приказал Рябовол. И все брички, лошадей возчиков заберите, поделите. Только знайте: проболтаетесь кому, дознаются красные, где золото, — всем смерть. Виновных искать не буду. Все виновны. Да и никто вас не похвалит за уничтожение возчиков. У них есть отцы, сыны. Подрастают внуки. Не простят. Так что будем молчать.

Он снял с пояса холщовый мешок с фиолетовым тавром на нем и, вынув червонец, протянул стоявшему рядом конвоиру.

— Бери, Максим. Заводи хозяйство. Каждый, получив червонец, отходил в сторону, отвертывался от других и, таясь, совал деньги в надежное место.

Ужинали молча. Конвоиры не трогали коньяка, хотя каждому Пимон налил по полному котелку из бочонка, подаренного Рябоволом для поднятия духа охраны. Пимон понял их опасения, демонстративно зачерпнул из бочонка кружку до краев и выпил. Люди повеселели немного, котелки осушили, но и это не развязало языков. После ужина конвоиры поделили лошадей и арбы, доставшиеся им после расстрела возчиков.

Ночь прошла в тревоге. Кругом выли волки, подбираясь к трупам возчиков. Слышалась возня, хруст костей. Плакали шакалы от голода и зависти к сильным, волкам.

Казаки не спали. Каждый сидел, не выпуская винтовки из рук, выбрав местечко подальше от костра, в темноте, за выступом. Один Пимон сидел у костра, на виду у всех. Он не прятался, а всем своим поведением показывал, что опасности нет.

На рассвете конвоиры решили ехать в город и двинулись длинной вереницей. Ущелье все расширялось, горы становились ниже, выход из ущелья свободнее. Конвоиры повеселели, ночные страхи прошли. На выходе из ущелья Пимон остановил обоз, собрал конвоиров и сказал:

— Браты-казаки. Негоже обоз вести в город. Может, там уже красные. Гоните арбы в аул Кончукохабль и продайте лошадей черкесам. Тем и концы в воду утопите. Возчики согласились. Пимон поблагодарил их за службу от имени Рябовола и погнал коня перелесками, направляясь в сторону станицы Чигиринской. Не отъехав от конвоя и километра, он остановился и прислушался.

Лес в это утро был полон звуков, журчали невидимые ручейки, пробираясь от снежных вершин к далекому морю, скрипели дубы, шатаясь под напором ветра, птичьи голоса слились в сплошной гомон.

— Зевает Данило, — нахмурился Пимон. — Пора быть на месте. Ну, я же ему...

Он не досказал угрозы, как послышались истошные крики, потом выстрелы. Пулемет забил ровно и четко, потом вдруг захлебнулся и умолк. Потом раздалось еще несколько одиночных выстрелов, и все стихло.

Глаза Пимона блеснули:

— Все. Операция закончена. Данило не подвел... Вперед, гнедой!

Породистый конь рванулся с места и понесся знакомыми тропинками, пока не выскочил на горный увал.

Внизу, за бурной речкой Каверзой, лежала станица Чигиринская.

Было воскресенье. С высокой и острой колокольни разносился колокольный перезвон. Сверкали позолоченные кресты зеленых куполов церкви. Сквозь еще голые ветки деревьев видно было, как спускаются и поднимаются журавли над колодцами. На зеленом лугу у речки стояло стадо коров. Пастух Пантелей Дадыка, как всегда, играл на свирели.

Вправо, на берегу реки, виднелся просторный дом под железной крышей. На высоком крыльце стояла какая-то женщина в белом и смотрела в его сторону. «Она! Харитина!» — мысленно воскликнул Пимон, и сердце заколотилось от радостного возбуждения. Торопливо поднес бинокль к глазам. Пимон скорее мысленным взором, чем при помощи бинокля, увидел ее большие, широко расставленные глаза. Жутко и сладко было смотреть в их зеленую бездну.

Харитина вдруг резко вскинула голову и, метнувшись с крыльца, скрылась за дверью. Пимон понял, что она узнала его и убежала. Чертыхнувшись, опустил бинокль и так сжал его, что хрустнули пальцы.

Не его ждала она. Ее глаза высматривали другого. Он знал. Вот уже сколько лет она не спускает глаз с лесной дороги, все ждет своего Остапа.

— Напрасные надежды. Убитые не возвращаются, — вслух заявил Пимон, словно Харитина стояла перед ним. — Он никогда не вернется. Теперь моей будешь.

Он знал, что Харитина не достанется ему без борьбы и страданий, но это не пугало, а, наоборот, подстегивало. Он привык к борьбе и готов все выдержать ради ее ласкового взгляда.

Блаженством было чувствовать на себе теплый взгляд зеленых, отливающих то синевой, то лазурной голубизной ее глаз, видеть на ее по-детски свежем лице ласковую улыбку, обращенную к нему.

Только один раз так поглядели на Пимона ее глаза, когда она прибежала к нему, надеясь услышать радостную весточку о миле. Тогда он, получив чин сотника, прибыл с фронта в отпуск и считал себя неотразимым. Сгорая от желания, он поторопился предложить ей себя, а о сопернике, рядовом Остапе, отозвался пренебрежительно. Светлая зелень ее глаз вмиг потемнела, замкнулись трепетные губы. Она метнулась из его хаты, как сейчас с крыльца. Он понимал, что прекрасное встречается редко и стоит дорого. Его никто и ничто не останавливало в стремлении завладеть этой гордой казачкой. Он верил, что настанет время, когда она сама явится к нему покорной и ласковой. Теперь, когда он вернулся в станицу со славой, с силой и золотом, он надеялся на успех.

Что и кто теперь мог перечить ему?

— Я тут царь! Я тут бог!.. И как ты ни вертись, а будешь моей, — процедил сквозь зубы, не спуская глаз с окон дома. — Золотом от пят до самого темени засыплю твоего жадного папашу, и приведет он тебя на поводку в мою постель... В первую неделю после святой пасхи и повенчаемся, — решил он и резко качнулся в седле.

Гнедой скакун понял это как приказ идти и, осторожно ступая коваными копытами, стал спускаться к броду. Почувяв близкую стоянку, весело заржал.

У водоворота, под вербой, сидел парень с удочкой. Заслышав ржание коня, поднялся. Пимон Бунчук узнал в парне сына пристреленного им возчика Дадыки и невольно натянул поводья, но сразу же отпустил их.

- Пошел, гнедой! — крикнул он, желая проехать молча, но Дадыка окликнул:
- Пимон, дай прикурить. Губка отсырела, никак не выкрешу.

Черные, как перезрелая слива, глаза парня глядели приветливо, но с некоторой долей удивления. Прикурив и возвращая спички, спросил:

- Сдаваться едешь?
- Как сдаваться? Кому сдаваться? — насторожился Пимон.
- Красным, кому ж еще...
- Что? В Чигиринской красные?

— Вчера налетел отряд Ефрема Зубикова. Вел его на Екатеринодар. Гарнизон сдался. Красные установили Советскую власть. На митинге председателем Совета избрали Григория Заплюйвичку. Везет человеку. При царе был атаманом, при Раде и теперь. Станичники кричали, что лучшего не хотят, он, мол, людей не обижает, хозяин добрый. Он на станичном правлении уже и красный флаг вывесил.

Пимон невольно взглянул в сторону станицы. Сквозь ветки видно было, как на высоком древке ветер полощет новенький флаг.

— Нет, сдаваться я не буду, — заявил Пимон. — Красная тряпка не долго будет трепыхаться на крыше станичного правления.

Он повернул коня назад от реки, туда, откуда приехал.

— Пимон, подожди! — крикнул Дадыка и, не дожидаясь, пока тот остановится, спросил: — Ты моего отца не встречал? Поехал в город с подводой на два дня, а прошел месяц. Может, где видел?

— Нет, — коротко бросил Пимон и, не оглядываясь, погнал коня рысью.

Он спешил на свою базу, которую приготовил заранее. Хотелось скорее увидеть своего помощника Данилу Кусайко, удостовериться, что все конвоиры, сопровождавшие золотой обоз, уничтожены. Боялся, что если остался живым хоть один человек, то может в отместку донести красным и они по свежим следам найдут золото. Красные могут бросить на эту операцию целую дивизию.

База, оборудованная в одной из нартовых пещер, оказалась пустой. Отряд, который уничтожил конвой, куда-то пропал, и Пимон заметался из угла в угол.

На базу Данило Кусайко явился только на третьи сутки. Он был навеселе. Его рябое лицо было красное от выпитого самогона, глаза-бусинки слезились, черные волосы на голове слиплись, а лохматая бурка висела на одном плече. Ее полы были в грязи и колючках чертополоха. Бурка убитого конвоира была явно не по плечу низкорослому Кусайко.

Взбешенный Пимон рванулся к помощнику, хватил его за грудки и принялся трясти. Потом отскочил от него и залепил такую оплеуху, что Кусайко покатился по полу. Выпутавшись из бурки, он боязливо прижался к стене. Его глаза-бусинки виновато моргали. Утирая мокрый нос, спросил:

— За что, батько атаман?

— Не знаешь, собака, так еще дам! Красные столицу заняли, в Чигиринской красные, а ты еще и спрашиваешь! Вместо того, чтобы охранять район, пьянствуешь. Три дня пропадали.

— Да кто же его знал, что красные так скоро сюда явятся, — промямлил Кусайко, потирая ухо. — Ну, погуляли трошки. Обоз конвоя пропивали. Прости, батько. Больше в рот не возьму. И другим не дам.

— Докладывай, как управился с конвоем? — приказал Пимон.

— Как управился? Да душа с них вон и кишки набок. Все сделано, как ты приказал.

— Говори, сколько их было и сколько бежало?

— Пхе, бежало? Никто не бежал. Всех, сколько там ни было, прикончили.

— Нет, ты так не отвертись, собака! Говори, сколько легло. У них были золотые червонцы. Тебе приказано их забрать. Давай сюда червонцы. Кусайко отступил в угол:

— Червонцы?.. Червонцы теперь мои. Ты обещал...

Пимон нетерпеливо прервал его:

— Возьмешь себе. Только перечтем. Звякнуло золото. Кусайко выложил на стол монеты. Их было двадцать девять.

— Ты не у всех забрал червонцы? — спросил Пимон.

— У всех...

— Еще один был. Бежал?! — с трудом выдохнул он и стал рвать коробку маузера. — Застрелю!

— Погодь, погодь, — засуетился Кусайко и стал усиленно рыться в карманах, выворачивать один за другим. — Ах, бисова душа... — бормотал он в пьяном смущении. — Вот же он, проклятый. За подкладку завалился... Вот он, последний.

Тридцатый десятирублевик оказался на столе. Пимон успокоился.

— Ладно! — сказал он. — Червонцы забирай, черт с тобой. Но пьяным я тебя вижу в последний раз... Началась наша тяжкая служба матери-Кубани. Застрелю каждого, кто каплю в рот возьмет, пока не освободим нашу столицу от красных.

ГЛАВА 5

Бог не выдаст, свинья не съест

Напоминаем слова Рябовола главному хранителю спрятанных сокровищ: «С приказом всегда будет пароль: какая-либо вещица. Вещица целая — деньги выдай, поломанная — деньги не давай, а подателя уничтожь».

Нашелся один, в романе «Калиновый цвет» он выведен под именем полковника Беляева, который, зная о несметных сокровищах Кубанской Рады, хотел воспользоваться ими в корыстных целях. Доставил не без лукавства распоряжение казачьему сотнику Пимону за подписью генерала Денинкина, Филимонова и Рябовола о выдаче части золотого запаса Рады. Станичник Панас (имя, безусловно, вымышленное) передал Пимону коробок, а в нем сломанные спички. Это и был условный знак Рябовола: уничтожить подателя Беляева!

Не сразу, но в конце концов его повесят за измену кубанскому казачеству...

И еще одна немаловажная деталь: Пимон — двоюродной брат белому генералу Шкуро, который и посетил родственника в его ставке на Ставрополье. Да и Шкуро, как известно, наведывался на Кубань, к Пимону. Уж кто-кто, а Шкуро, отличавшийся природной хитростью и коварством, знал о золотом запасе Рады. Не исключено, в отличие от полковника Беляева, батько атаман «урвал» от этого куша немалую толику, помятуя старую поговорку: «Бог не выдаст, свинья не съест». На его счету немало и ограбленных храмов на Ставрополье и в предгорье Кубани. Как распорядился ими генерал Шкуро?

Этим вопросом и задался Юрий Харчук. Несколько раз он побывал в станицах Отрадной, Удобной, Передовой, селах и хуторах бывшего Баталпашинского казачьего отдела. Встречался в Отрадной с известным историком и археологом Михаилом Николаевичем Ложкиным, атаманом казачьего общества Анатолием Даниловичем Самусь, вахмистром Николаем Андреевичем Герасименко... О многом узнал интересном и познавательном, главное же — убедился в том, что часть золота Кубанской Рады, похищенного генералом Шкуро и его «волчьим» окружением, до сих пор хранится в лесном схроне станицы Удобной, в пещерах есаула Козлова под Передовой — после окончания Гражданской войны он более десяти лет наводил страх у местных жителей, а также в окрестностях поместья, принадлежавшего в свое время польской баронессе Розе в хуторе Розановском... Об этом и многом другом подробнее...

Золото «белой стаи»

— А теперь, братец, снимите шляпу, — Виктор Иванович присел на колено. — Вот они, полюбуйтесь, — ландыши... Как же они пахнут, ландыши!..

Мы любовались цветами, белоснежные колокольчики которых под иглистыми кустиками шиповника манили своей чистотой.

Потом сидели на поваленном дереве. Впереди виднелись белые скальные выступы, река Уруп, станица Удобная. В зеленой рамке гор она растянулась на десяток верст и с высоты птичьего полета была как на ладони.

— Хочешь, расскажу легенду о названии станицы? — И не дожидаясь ответа, Виктор Иванович, затянувшись дымком сигареты, продолжил. — Полтора века назад ехала группа офицеров русской армии под охраной казаков — предстояло определить места застройки двух станиц на берегу бурного Урупа. День выдался жаркий. Притомились казаки, по пути въехали в тенистую рощу. «Родник!» — отозвался один из всадников, и все потянулись к нему. Спешились, пьют ключевую воду, не нахвалятся. Один из офицеров присел на белкамень — его тут много! — снял фуражку, вытер потное лицо платком и говорит:

— Ах, как здесь удобно! — А другой, картограф, подхватил:

— Вот и назовем станицу Удобной.

Может, есть и другие легенды, но чем хуже эта? Теперь в Удобной есть и место Родник, и Родники. Сохранилось, а ему ведь почти полтора века. Правда, нашлись умники, заасфальтировали... родничок.

Видишь ли, не вписался в разворот новой дороги. А у него — характер! Пробил твердь земную в другом месте...

Дальше по Урупу — станица Передовая, она действительно во время Кавказской войны по своему положению к Черкесии была передовой. Последняя — станица Преградная, перегородившая Урупское ущелье. Основана, конечно, позднее...

Ближе к вечеру мы спустились к Урупу. Пора было возвращаться в Отрадную, когда Виктор Иванович неожиданно спросил:

— А ты читал документальную повесть «Улагаевский клубок»? Интересная книжка! В этих вот самых местах в годы гражданской войны и после нее разворачивались события, которые и по сей день бытуют в устных рассказах станичников, а в центре их наш земляк из Удобной чекист Каширин. Жаль, погиб он. Нелепо погиб. Обманном путем бандиты завлекли его в лесную избушку, пытали люто. Извернулся Каширин, в окно выбросился — и в заросли. Вдогонку выстрелили... Сомнение в меня тогда вкралось: были и есть в нашем предгорье избушки пасечников. Так в них не окна, а вот такусенькие виконца, исключительно для того, чтобы рассвет не прозевать да по погоде одеться. Спрашивается, как в него мог вывалиться казачина под два метра? А зачем в него из пистолета пулять? Он же безоружный! Бандиты на конях враз бы его нагнали и в «шенкеля», возвернули. Нет, не затем «лесные люди» пленили старшего милиционера Каширина, чтобы вот так расправиться, ничего не добившись. Нет, братец, тут что-то не так, чего-то напутали писатели. Вот бы попытать старых, памятливых станичников. Они-то правду скажут...

Познакомился позже с документальной повестью Ивана Мутовина и Виктора Лебедева. Читается легко, с интересом. Но сомнения в гибели чекиста, родом из Удобной, были. Где же истина?

Собранный мной материал о чекисте Максиме Петровиче Каширине (в повести он выведен под именем Каширов) — новая версия о причине и обстоятельствах его гибели, об участии его близких и родных.

* * *

Где и как личный шофер и адъютант атамана Шкуро, действующего в Ставрополье, бравый казак Максим Каширин был завербован в ЧК, история умалчивает. Одно очевидно — выполняя задания чекистов, он через связных передавал сведения о местонахождении белых, их численности. Однажды, выбрав подходящий момент, Максим дал красным точную ориентировку, и они удачно разгромили отряд Шкуро. Мало того, сам атаман был арестован и доставлен в тюрьму. Безусловно, его ждала суровая кара. Но случилось неожиданное, которому и объяснения нет: главноком Северо-Кавказской армии Автономов под «честное офицерское слово» освободил батько Шкуро из тюрьмы. Хитрый и коварный лис сколотил новый отряд.

Максим Каширин, рискуя быть разоблаченным, пробрался в стан Шкуро. В версию о счастливом избавлении от плена адъютанта белые поверили. Начались далеко непростые будни чекиста. Как-то, находясь в штабе шкуровцев, он узнал об их намерении уничтожить красноармейский отряд. И это, безусловно, произошло бы... Через связного Максим предупредил отряд об этом. Произошло то, чего не ожидали белые, — попав в засаду, потерпели серьезное поражение. В перестрелке Каширин получил ранение...

Чекисты выходили Максима и заслали в родную, занятую деникинцами, Удобную, где жили родители, жена с детьми, братья, сестра... Выходца из зажиточной семьи и бывшего адъютанта Шкуро местные казаки избрали атаманом станицы.

Прознал о Каширине вездесущий Шкуро. Мартовским днем 1919 года он срочно отозвал Максима из Удобной в свой штаб. Как доброго вояку-казака угостил коньяком и папиросой из золотого портсигара. Это было проявлением особой милости. Каширин получил новое назначение — он становится личным шофером и адъютантом теперь уже командующего корпусом генерала Шкуро! Соответственно, он дает Максиму и чин хорунжего.

Что это — случайная цепочка событий в жизни простого казака из Приурупья? Отнюдь нет. Просматривается работа ЧК в штабе противника.

Наблюдательный от природы, казачий офицер, находясь в непосредственной близости к штабу генерала, общаясь с ним в поездках и в частных застольях, выведывает и передает по назначению через связных сведения о передислокации шкуровских частей, предполагаемых боевых действиях. И что же? Осенью в районе станции Лиски третья кавалерийская бригада Якова Балахонова наголову разбила корпус Шкуро.

Тогда же Максим Каширин заскочил в станицу Удобную. При себе имел тяжелый... саквояж. Его видела жена, которую съедал соблазн открыть, заглянуть во внутрь, но... собравшись наскоро и захватив его с собой, муж ушел в ночь. (Вот тут и нарушается сюжет повествования). Каширин прошел в конец улицы (ныне Восточной), к самой речке Белый Ерик, постучался в окошко дома Петра Елисеевича Ковтуненко, мастерового, имевшего собственную кузню. Он был женат на родной сестре Максима — Марфе.

Вот что расскажет позже сам Петр Елисеевич:

— Максим вошел в хату. «Петр, — сказал он. — Этот саквояж надо спрятать надежно. Придумай, куда». Мы прошли в кузню. Я тут же разобрал кузнечный горн. Опустил саквояж, а был он тяжел, под горн. Все сделал, как следовало. На всю станицу было на ту пору два кузнеца, об устройстве горна знали немногие, да и кто, спрашивается, обыскивал бы кузню, кто догадался бы, что под горном — пустота?

Максим ушел и вскоре как в воду канул — ни слуху ни духу. И только через несколько месяцев нагрянул на линейке. «Давай назад саквояж», — потребовал. А я, к слову, и позабыл в домашних хлопотах о тайном кладе.

Разобрал горн. Саквояж на месте, в целости и сохранности. Подал его Максиму. Тот быстро открыл его. Боже мой, барский чемодан был до краев заполнен церковной утварью из золота. Ошибиться я не мог, знал и в этом редком металле толк, ибо всему учился у немца-колониста. А как человеку искренне верующему мне нетрудно было догадаться, что драгоценные вещи похищены из богатого православного Храма.

«Возьми, Петро, что хочешь, за то, что сохранил все. Ведь рисковал головой, — сказал Максим. — Увезти с собой не мог — ограбили бы и самого сжили со свету...» «Ничего не возьму, Максим. Это грешное богатство. Станичники прознают про золото, мне, иногороднему, не сдобровать. Я кузнец, слесарь, машинист молотилок. Как-нибудь на хлеб-соль заработаю. Не надо, Максим, мне чужого...» — ответил. «Ну, как знаешь!» — Он уложил саквояж на линейку, притрусил его сенцом, и кони унеслись в ночь. Только услышал: «Прощевай!»

Куда увез, спрятал золото свояк, Ковтуненко не ведал.

Эту историю Петр Елисеевич рассказывал сыновьям Ивану, Павлу, жене Марфе уже будучи в преклонном возрасте. После публикации повести в краевой газете «Советская Кубань» в начале 60-х, разговоров в станице о прошлом было немало...

А тем временем отряд белого генерала Фостикова, зажатый в горах за станицей Передовой и далее, изрядно потрепанный в боях, отступал. Потерявший связь с чекистами, Каширин уходил вместе с ним в Закавказье, а оттуда — в Крым, к Врангелю.

Как свидетельствуют авторы повествования, генерал Фостиков откомендовал барону Каширина как храброго человека, отличного шофера. Выпросил ему чин есаула.

Так и не раскрыв себя, чекист Каширин с врангельцами, отступая, оказался за границей, на далеком пустынном острове Лемнос. Много пережил, но, крепкий духом, верил и надеялся в лучшие перемены.

Три года Максим Петрович Каширин скитался на чужбине, многое увидел. Но белые и тут не забыли «своего» человека, рекомендовали генералу Улагаю. При случайных обстоятельствах он узнал, что группа белых офицеров забрасывалась на Кубань для враждебной работы на советской земле. И в нем снова «заговорило» чекистское начало. Все, что требовалось, — выяснил. Через одного верного русского офицера-репатрианта, который возвращался из Турции в Россию, передал сведения о диверсионной группе запиской в Армавирский ЧК. Напомнил и о себе...

Было бы ошибкой считать, что о «золотом саквояже» генерала Шкуро и припрятанном есаулом Кашириным в Приурупье не знали в лагере Улагая. Сыск и «за бугром» работал безукоризненно, и пьяный Шкуро мог проговориться, с ним это случалось нередко, чем не раз пользовался его личный шофер и адъютант. Пожалуй, золото Шкуро было не единственным кладом, припрятанным в свое время белоказаками в укромных местах на Кавказе для последующей подрывной работы в тылу у красных и на их территории. Роль хранителя части золотого запаса «белой стаи» выпала и на Максима.

Для подрывной работы, создания повстанческих отрядов на Кубани, скрытно на лодках и высадились белые офицеры. Не исключено, что прибывшие Козликин, Орлов и Ковалев получили информацию о «золотом саквояже» Шкуро, который предполагалось использовать ими для разворачивания белого движения на юге Кубанского края, в случае неудачи — захватить с собой.

Опытный чекист Каширин, заброшенный заграничным штабом Улагая, в Россию, на Кубань, зная почерк белых, не мог сразу по прибытии в отрадненское предгорье передать золото советским властям. В критический момент «лесные братья» могли проверить его на лояльность Улагаю, потребовав показать схрон с богатством, шантажировать. Палка о двух концах, какую ухватить? Много передумал чекист.

Часть драгоценностей «золотого саквояжа» Максим оставил в лесу, другую привез в Удобную, спрятал в пустом пчелином улье, который завалил хламом. «Вряд ли отважатся среди бела дня нагрянуть», — подумал. Жена о золоте знала.

Все это он устроил, когда чекистами был назначен старшим милиционером в станицу Преградную.

Новая должность отнимала много времени и сил, и всюду следовало успеть, принять решение.

В один из дней Максим Каширин направился в сторону хутора Тегинь. На лесной дороге повстречал Ковалева и Козлика, которые пригласили его в гости.

Не отказался. Приехал. За столом за четвертью самогона «лесные братья» откровенно поделились с ним сведениями о численности банд, районах их действия, наличии вооружения, запасных складах и планах на перспективу. Что и говорить, белые проделали немалую работу, укомплектовав отряды из богатой казачьей верхушки и недовольных новой властью, обзавелись оружием.

Придумав серьезное основание для поездки в Армавир, Максим Каширин подробно рассказал чекистам об обстановке в предгорье, а она была чревата серьезными осложнениями.

Поведал и о том, что в самой Отрадной действует штаб готовящихся к мятежу, о чем также проболталась троица.

Чекисты незамедлительно приступили к разработке операции по уничтожению бандформирований, которые, почувствовав «вольницу», действовали дерзко, совершали налеты на станицы и хутора, расстреливали коммунистов и тех, кто содействовал установлению советских порядков в предгорье, громили исполкомы, как это произошло в Удобной, грабили потребительские лавки, угоняли у людей скот... В лесу повесили двух коммунистов, убили на дороге ветфельдшера. В станице Преградской зверски растерзали члена сельского исполкома и его жену.

Во время одной из тайных встреч бандиты Козликин, Ковалев и Орлов предложили Каширину пображничать у одной знакомой станичницы. Максим решается на отчаянный шаг — использовать этот шанс и уничтожить их своими силами, не дожидаясь поддержки из Армавира.

Не раскрывая свой план, Каширин вместе с группой милиционеров устроил засаду. Но в нее попала не «святая троица», а только их вестовые. В лесном сумраке Максим не рассмотрел как следует их лица, допустил непоправимую ошибку, окликнув по имени ехавшего впереди на лошади внешне сильно похожего на Ковалева всадника. Кроме известных белобандитов и Каширина, никто другой не знал о предстоящем ночном «пикнике».

Чудом оставшийся в живых вестовой по голосу узнал Максима. Рассказал, что произошло в лесу, выдал его улагаевцам. Известно, тут пощады не жди!

«Надо ехать в Армавир, доложить обо всем, и о провале тоже, — подумал Максим. — Но прежде следует увести часть золота, спрятанного в улье».

А утром уже нагрянул посыльный от «лесных братьев».

«Ночью, — рассказывала жена Максима его сестре, Марфе Ковтуненко, — он приехал домой. Погрузил в телегу улей с золотом и сказал, что по На-дубе (так называется дорога в Удобный, ведущая в дубовый лес) уедет якобы к знакомому пасечнику, который ухаживал за его пасекой». Но, как выяснилось позднее, к нему Максим не заехал. Видимо, спрятал золото в другом, заранее подготовленном месте. А, возможно, что-то помешало? Время было тревожное. Не понаслышке он знал, что Козликин тесно сотрудничал с неуязвимым для чекистов есаулом Никитой Козловым, который хорошо знал лесные дороги и тайные тропы, волчьим чутьем чувствовал и опасность, и поживу...

Сильный и смелый, Максим меньше всего думал о себе. «Выкручусь, — убеждал себя. — Не таких вокруг пальца обводил. Чтобы отвлечь от опасности жену и детей, стариков, встречусь с Козликиным...»

Максима подкараулили недалеко от условленного места. Разоружили. С бранью выслушали. Не поверили его доводам. Поверили вестовому, вечно пьяному Петьке. Пытали. Добивались ли, где спрятан «золотой саквояж»? Наверняка, да! В порыве ярости полковник Орлов выхватил кинжал и вонзил его в грудь Каширина. О том, что именно он убил чекиста, признается позже на суде.

На следующий день пастухи наткнулись на тело старшего милиционера станицы Преградской Максима Каширина, родом из соседней Удобной.

Жена и сестра Марфа обряжали Максима в последний путь. «Его из-за этого проклятого золота убили!» — билась в истерике супруга. «Ни одного следа от пули, — вспомнит и расскажет позже родителям и брату Егору Марфа. — Насчитала шестнадцать кинжальных ударов спереди на теле, на руках... Видно, что пытали».

«Кумачовый гроб с телом старшего милиционера Максима Петровича Каширина стоял в избе-читальне, — читаю в повести «Улагаевский клубок». — Не было музыки, но каждый час сменялся почетный караул. Милиционеры хоронили своего сослуживца. У открытой могилы произнесли положенные речи. Никто из присутствовавших тогда на похоронах не знал, кем был на самом деле тот, кого провожают в последний путь, как преданно и горячо служил он своему долгу, как выполнял он многие годы поручения партии».

А в эти дни из Ростова в Армавир приехал полномочный представитель ОГПУ на юго-востоке России Ефим Евдокимов. Он направил в Москву телеграмму: «Приступили к общей операции на территории Армавирского и Майкопского отделов...»

Командование Северо-Кавказского военного округа совместно с чекистами определило порядок согласованных действий и отдало соответствующее распоряжение командиру расположенной вблизи кавалерийской части. В архиве сохранился документ:

«Командиру 14-й дивизии. Копия ПП ОГПУ. Приказываю расположить 41-ю кавалерийскую бригаду в станицах Бесстрашная, Подгорная, Надежная, Передовая, Преградная с целью дать моральную поддержку ГПУ, производящему операцию. В случае необходимости оказать военную поддержку.

Комвойск Ворошилов Начальник штаба Кондратьев»

О масштабах проводимой операции говорит документ от 24. 03. 1924 г начальнику Ставропольского ГПУ Нодеву: *«В целях пресечения возможности просачивания бандитов на нашу территорию предлагаю выставить на границе Армокруга наиболее угрожаемых пунктах оперативные и, по возможности, войсковые заслоны.*

Зам. ПП ОГПУ ЮВР Долматов»

Бандит Ковалев, как следует из книги, застрелится во время его задержания в Отрадной, в подвале лавки доктора Петрова, которая одновременно служила местом тайных сборищ белогвардейцев и местных заговорщиков. Офицеров Орлова, Козлика, Лаштабега чекисты арестуют, когда те сойдутся в баньку попариться. Да и другие атаманы помельче окажутся за решеткой в Армавирской тюрьме. Каждый получил по заслугам.

Во время следствия кто-то из «лесных братьев», видно, проговорился о «золотом саквояже» атамана Шкуро. Иначе чем объяснить, что вскоре милиционеры придут в Удобную на подворье родителей Максима Каширина (ныне — Петрищев переулочек, на месте их дома — колхозный детсад). Зачем-то обыскали дом, перекопали огород. Но ничего не нашли. На вопрос, что ищут, — никто не ответил. Перевернули они и дом героя-чекиста (позже в нем разместят контору торгсина, сельпо). Арестовали вдову и двух девочек, заключили их в армавирский застеночек вместе с бандитами. Допросы ничего не дали.

Родного брата Максима Каширина, Егора, и сестру Марфу (в замужестве — Ковтуненко) к следствию не привлекали.

В годы коллективизации отца и мать чекиста сошлют на Урал, где они и окончат свои тягостные дни.

В 30-е годы по доносу бывшего полковника царской армии (с его содержанием близкие позднее ознакомятся) арестовали простого труженика Егора Петровича Каширина и вскоре, не разобравшись, по приговору скорого суда расстреляли. И об этом сын его Алексей Каширин, ныне живущий в ст. Удобной, узнает на заседании бюро райкома партии, когда ему безапелляционно заявят: «Ваш отец расстрелян как предатель Родины». Естественно, в партию ему дорога была закрыта. Младший Каширин приступит к поиску приговора суда. На неоднократные запросы уже в перестроечное время ему сообщат, что Егор Петрович Каширин оговорен, расстрелян, посмертно реабилитирован.

В Удобной живут племянники чекиста Максима Каширина: ветеран Великой Отечественной войны Иван Петрович Ковтуненко, пенсионерка Екатерина Петровна Альба, в ст. Ленинградской — учитель химии СОШ № 1, лауреат Международной Соревновательной научно-образовательной программы Павел Петрович Ковтуненко, в Киеве — замминистра обороны Украины по науке, лауреат госпремии СССР, доктор технических наук профессор Алексей Петрович Ковтуненко.

Однажды в квартиру учителя П. П. Ковтуненко в Ленинградской позвонила женщина. Открыл дверь Павел Петрович.

— Здравствуй, братик! Я твоя двоюродная сестра Аня, дочь Максима Петровича Каширина, чекиста.

О многом тогда поговорили родные люди. Открылась еще одна неизвестная страница истории семьи героя-чекиста Каширина.

— В тюрьме Армавира допрашивали маму и мою маленькую двенадцатилетнюю сестричку. Спрашивали о золоте. Ничего о нем они, конечно, не сказали. Ночью бандиты в камере проиграли в карты маму и сестренку, их нашли утром зарезанными. Меня, шестилетнюю, милиционеры выпустили из каземата: «Иди, девочка».

Я долго ходила по знойным улицам города. Утомилась и уснула возле какого-то дома вблизи железной дороги. Меня разбудила женщина, привела в квартиру, покормила. Расспросила, кто я, откуда. Я все-все рассказала о том, что вспомнила — о папе, маме, сестричке, дедушке с бабушкой. Бездетная семья железнодорожников удочерила меня.

Никогда никому я не рассказывала об отце, о нашей семье — боялась. Вышла замуж за железнодорожника. Всю жизнь прожила в Кропоткине. Моя фамилия теперь Гнездиловская.

Анна Петровна рассказала о том, что на склоне лет побывала на родине, в Удобной, встретила с родственниками. Благодаря документальной повести Ивана Мутовина и Виктора Лебедева узнала об отце-чекисте Максиме Петровиче Каширине. С тех пор вестей от нее в Ленинградскую не приходило. Золото «белой стаи» никому не принесло счастья и удачи. Хорошо бы отыскать и вернуть его законному владельцу — церкви.

ГЛАВА 6

Тайна атамана Шкуро

Вышли из дома Николая Андреевича Герасименко. Возле калитки лежали высыпанные горой початки сухой спелой кукурузы.

— Золотая, аж глаза слепит... Вот о золоте заговорили, и вспомнил старую байку про атамана Шкуро и его ящик с золотом, который якобы был зарыт во дворе поместья баронессы Розы...

— Что, генерал Шкуро останавливался в селе?

— А то как же. В гражданскую.

— Николай Андреевич, расскажите об этом.

— А что тут рассказывать. Жила в селе, теперь его называют ее именем — Розановской, — чопорная и дюже красивая пани Роза. У нее было много земли, но хозяйствовать на ней не умела, да и не хотела. Сдавала ее пришлым мужикам («наброду») в аренду — по рублю за десятину. Тем и жила. День-деньской принаряженная: то у окна ее видят, то во дворе — кофеи с мармеладом распивала. Словом, барыня... Как-то у нее появился молодой увалень, хахаль, ну, любовник, значит. Тут она и повеселела — песенки поет да с дружкой воркует. Чисто голубки с картинки. Бабы на них с завистью глазели — ах да ах, а мужики чертыхались. Хотели даже один раз «петуха» запустить, спалить подворье. Но что-то им помешало, кажись, праздник православный — Петра и Павла. В этот день пани ни с того ни с сего мужикам велела подать по доброй чарке водки. А уж потом, расщедрившись, и по другой. Мабудь, дружка ее звали Петром, а может, Павлом. Расслабились мужики, пожалели пани Розу.

А потом революция. Зажиточные селяне подались в белую армию, а кто победнее, вестимо, в красную. Ну и кто кого...

Однажды под вечер застучали копыта на дороге — казаки нагрянули. Пьют самогон, под зурну пляшут, песню горланят:

*А у нее, и широка у нее,
А у нее, и глыбока у нее
Крыныченъка во лыси..*

А далее еще покруче, с намеком. Бабы в шуршу, загоняют пацанов в хаты, чтоб, понятно, не слушали про «енто»... Видят такое казаки, да еще погромче... И тут откуда не возьмись сам батька атаман Шкуро, пьяный, шаблюка на боку. Подозвал одного другого казачка и что-то им на ухо.

Сам-то Шкуро у пани Розы остановился, там свое веселье...

А в ту ночь сосед, дед Аким, за бычками в балку сповадился. Слышит: что-то звяк да звяк. Присмотрелся: какие-то мужики в форме яму копают. «Чи хоронят когось?», — подумал. Притаился старый, дохнуть боится. А тут и фура, ну телега, подъехала к копачам. Сняли с нее ящик вчетвером — тяжелый, видать, и на бечевах спустили в яму. Хорошо то место землицей присыпали, утоптали. А потом своих коней по схрону несколько раз прогнали, чтобы, значит, скрыть его от чужих глаз...

Уехали шкуровцы, а дед Аким через недельку-другую с сынами решил попытать счастья, раскопать тайник. А тут опять белые нагрянули. Отложили задуманное до весны, да только старый ни с того ни с сего захворал да и помер. Перед смертью своей бабке Меланье открылся про ящик

— и все золотом бредил. Это уже позже она людям про тайну поведала... Так и гуляет у нас с той поры байка о золоте Шкуро. Правда, перед войной наведывались в село двое мужиков, подрядились колодцы копать. Видели их в балке. Может, проверяли — на месте ли клад? Шкуро, который, как мы позже прознали, с немцами-то снюхался...

— А вы-то сами не пытались искать то золотишко? — интересуюсь у старика.

— Как не искал? Был грех. Да все попусту — казаки умели хоронить клады. Не нашему волку телятину есть... Где стоял дом пани-полячки, остались развалины. Стариков спросите — покажут, а я уже туда не дойду. А клад надо искать недалече, в балочке...

* * *

Много мифов и легенд гуляет по Кубани и Дону о золоте Кубанской Рады. Seriously занялся его поиском русский кладоискатель Юрий Харчук из Ленинградской. Вместе с единомышленниками он в дороге, он в пути, верит в то, что удача улыбнется ему. Дай-то Бог!

У подножья горы Баден, или по следам «золотого чемодана»

Мы отсняли кинокамерой древнейший курган, нависший над хутором Ильич, остатки казачьего пикета времен Кавказской войны и православного храма двенадцатого столетия. Потом долго-долго любовались зелеными, в дымке, окрестностями, слушая напевы лесных птиц.

Краевед Михаил Николаевич Ложкин три десятилетия назад вместе со школьниками восстанавливал основание храма. Теперь, прохаживаясь вдоль его стен, ощупывал верхние камни — не разрушены ли? Морозы, снегопады, ливни, ураганные ветры, кажется, не повредили стены. И старик — этого нельзя было не заметить — остался доволен...

Мы спустились на ближнюю поляну, остановились у кострища. Кто-то из туристов оставил рядом ольховые пни. На них и присели, уставшие донельзя.

«Хорошо-то как!», — выдохнул оператор Борис Еремеев.

— Да уж не скажи — мило, — и Ложкин хмыкнул в нос. Кто знал его, а мы были таковыми, по своеобразному «хмыку», догадались: он доволен поездкой в горы, прогулкой по лесным тропам в местах, дорогих его сердцу. Тонкое белое лицо Ложкина, с немного выдававшимся вперед, с горбинкой, носом было одухотворенным.

Читали? — Борис Еремеев обратился к Ложкину, — опять о золотом чемодане в газете написали. Мол, в лесу под станицей Спокойной партизаны в годы оккупации золото из Керченского музея спрятали. Ищут. Знать бы, где его найти...

Ложкин, историк и местный археолог, молчал.

— Михаил Николаевич, уж вы наверняка о золоте что-то помните, — Еремеев не унимался, — А может, и сами золотишко-то искали?

— Борис Федорович, вы изволите шутить? — В Ложкине пробуждался учитель. — Не копал... Хотя в сегодняшнем нашем положении пару золотых не помешали бы закончить съемку фильма о памятниках старины Отрадненского Предгорья.

Статью о тайне «золотого чемодана» я читал, как и другие — о том же. Довольно сложная, запутанная история... А суть ее такова.

В сентябре 1941 года фашисты бесчинствовали в Крыму. Директор Керченского историко-археологического музея Юлий Юльевич Марти не находил себе места. Экспонаты, архив музея, материалы раскопок и научных исследований упаковали в девятнадцать ящиках. Но были и вовсе бесценные экспонаты — золотые сокровища...

Марти принес из дому большой фанерный чемодан. В него в присутствии городских властей уложили (привожу дословно текст) «золотую диадему, украшенную сердоликами и зернами граната, большую золотую пряжку, наушные подвески, тонкие, овальной формы золотые пряжки», найденные в 1926 году крестьянином Крымской деревни Марфовка Нешев. Как оказалось, он наткнулся на богатое Готское захоронение. Кроме того, уложили, упаковав, в чемодан «семьдесят серебряных Понтийских и Боспорских монет митридатского времени, то есть III-II века до нашей эры...

Далее — золотые бляшки с изображением скифов, пьющих вино из рога; бляшки, обнаруженные на керченской горе Митридат во время рытья котлована, одна — с изображением юноши, сдерживающего коня, другая — с изображением сфинкса; коллекцию пряжек средневекового времени, состоящую из семнадцати штук; золотой крест с колечком, пряжки и пластинки... Всевозможные браслеты, серьги, кольца, перстни, подвески с изображением сфинксов, льва, медальоны с изображением Афродиты и Эроса, маски, золотые бусы, пояса из серебряных пластин. Наконец пантикапейские монеты червонного золота, золотые боспорские, гетуэские, византийские, турецкие, русские монеты, медали...» А всего — 719 предметов из золота и серебра!

Чемодан обвязали ремнями, опечатали печатью горкома партии.

Он «путешествовал» через Керченский пролив, на грузовиках до Краснодара (при этом не раз попадал под бомбежки). Оттуда — в Армавир.

О дальнейшей его судьбе — воспоминания бывшей работницы Армавирского горисполкома Анны Моисеевны Авдейкиной... «На третье августа 1942 года, — пишет она, — обеспокоенная мама сказала мне, что немцы совсем близко, и, похоже, город эвакуировался. Поднялась я слабая-слабая. Вышла на улицу и поразила непривычной безлюдности». Шатаюсь, побрела в горисполком; там двери настежь, пусто, никого. Понял, что он эвакуировался. С трудом поднялась на четвертый этаж. По привычке заглянула в свою комнату. И сразу увидела этот черный чемодан! Глазам своим не поверила, но это был он.

Что же делать? Одной чемодан не унести. Позвать кого-нибудь на помощь? Кого? Постороннему не доверись. Но не отдавать же врагу народное достояние! Бегу домой. Зову племянника Шурика. Тогда еще, болезненному подростку, и четырнадцати не было. Тороплю: «Скорее, Шурик, скорее!» Только взобрались на четвертый этаж дома Советов, как страшный взрыв потряс здание. Упали мы на пол. Посыпались стекла, штукатурка. Но живы остались, невредимы. Повезло — бомба угодила в соседний дом. Вытаскиваем чемодан на улицу. Несем вдвоем. Отдыхаем через пятнадцать-двадцать шагов. Ведь сама себя еле несешь. Во мне тогда оставалось килограммов сорок, да и росту я небольшого — метр пятьдесят три сантиметра. А в этом чемодане, наверное, все восемьдесят килограммов было!

Анна Авдейкина с племянником разыскала председателя исполкома. Кругом бомбежка, все грохочет... председатель горисполкома Малых где-то достает грузовик. Втаскиваем чемодан в кузов. Василий Петрович приказывает гнать в станицу Спокойную. Другие дороги из города перерезаны фашистами. И этот путь, быть может, в руках гитлеровцев, но есть шанс прорваться. А мне Малых велит, если мы доберемся до станицы, сдать чемодан в отделение Госбанка. Пытаюсь

проситься в партизанский отряд, но Василий Петрович отказывает: «Самое дорогое — спасти ценности!»

По дороге нас обстреляли. Шины спустили. До станицы кое-как добрались...
Чемодан я сдала директору местного отделения Госбанка.

В конце августа управляющий Спокойненским отделением Госбанка Яков Маркович Лобода передал «золотой чемодан» на хранение в штаб Спокойненского партизанского отряда. В нем же остался рядовым бойцом...

Тайна «золотого чемодана» будоражила воображение многих искателей приключений, журналистов. За прошедшие полвека они занимались его поисками. Но все безрезультатно. Результаты отдельных исследований легли в основу статей и заметок. И они по-своему любопытны. В. Куковякин в «Вольной Кубани» за 4 апреля 1992 года пишет, что «фашисты начали прочес окрестностей. Следили за лесом с самолета. Бойцы разжигать костры не рисковали, а холод давал о себе знать. Немцы взяли партизан в кольцо. Прорывались по два-три человека. Одна из групп зарыла чемодан». Это подтверждает партизан Н.Семенов. А другой, А. Потресов, сообщил, что по следам «золотого чемодана» шла зондеркоманда, искала чемодан долго, но в руки он им «не дался».

«По свидетельствам некоторых очевидцев, — пишет С. Семилетов в газете «Кубань сегодня» (24.05.2002г.), — в сентябре (1942 — авт.) отряд начал поход из Спокойненских лесов к перевалу. 17 октября партизаны остановились для перестройки повозок. Здесь и обнаружилась пропажа чемодана.

Остановка для перестройки повозок произошла у подножия горы Баден. В архивных материалах есть рассказ бойца отряда Н. Черноголового о том, как были найдены остатки «золотого чемодана»:

«Бывший боец отряда Магдычев Григорий на привале под горой Большой Баден погнал в яр поить пару волов и там, в яру, обнаружил раскрытый чемодан, пустой, с остатками некоторых вещей, не представляющих никакой ценности. Так, например, он из яра принес металлическую вещь — зигзагообразную, цвета бронзы, весом 700-800 граммов... и сказал, где ее взял... Командир отряда приказал изъять из него «зигзагообразную вещь». Из собранных в 1944 году свидетельств следует, что предметы из «золотого чемодана» были замечены и у других партизан. Публицист Е. Колкин в своем исследовании «Будет ли раскрыта тайна "золотого чемодана"?» напишет: «Снаряжение, лишнее оружие, документы, ценности закапали в разных местах. О каждом тайнике знали лишь два-три человека. Вероятнее всего, среди тех, кто прятал «золотой чемодан», был и Яков Маркович Лобода. При выходе из окружения он и несколько его товарищей были схвачены гитлеровцами — 14 декабря 1942 года их расстреляли».

Перед казнью Якова Марковича избивали, требовали сказать о каких-то ценностях, но так ничего и не добились. Не тайну ли «золотого чемодана» хотели выведать фашисты.

Ценой своей жизни Я.М.Лобода спас от врага легендарный «золотой чемодан», сохранил его тайну. Погибли и другие партизаны, которые прятали его в лесном тайнике или же что-либо знавшие о нем. Прежде всего, командир Спокойненского партизанского отряда Петр Николаевич Соколов. Его убили в бою сразу после того, как чемодан, другие ценности, документы были запрятаны в разных указанных или потаенных местах. Петр Николаевич партизанские тайники отметил на своей оперативной карте. Но где она находится ныне? Неизвестно.

И вот новая сенсация.

— Чемодан в лесу! — считает начальник Краснодарской геофизической партии Н. Цыпченко (1992). — Геофизические методы позволяют сейчас вести поиск на глубине до 4-5 метров. Я составил проект программы и предварительную смету работ. Гарантии высоки.

Надо отдать должное Цыпченко, он встретился с бывшим заместителем комиссара Упорненского отряда, который подтвердил, что о чемодане знал малый круг людей, что его «похоронили» до 7 ноября 1942 года, так как в ночь на это число выпал первый снег, а чемодан зарыли до снегопада.

Н.Цыпченко побывал в Отрадной, встретился с краеведом М.Н. Ложкиным. Тот убежден: чемодан цел! Полвека занимавшийся исподволь его поисками, Михаил Николаевич слов на ветер не бросал! К поиску его готовилась экспедиция...

Внимание к ее проекту проявило правление советско-американского фонда «Культурная инициатива», которое письмом сообщило, что проект отобран в числе самых перспективных из 2300 и введен в информационно-компьютерную систему.

В Отрадненское предгорье прибыли донецкие экстрасенсы, которые на месте предполагаемого захоронения «золотого чемодана» занялись биолокацией и прочей ворожбой. Вычислили маршрут, подошли к небольшому лесочку и уверенно заявили: «Чемодан — здесь!» Но средств для проведения экспедиционных работ так и не нашлось.

В дискуссию по поводу таинственного исчезновения «золотого чемодана» включился доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Краснодарского политехнического института С. Якаев. «Среди 86 партизанских отрядов Кубани, — заметил он, — Спокойненский был одним из единственных формирований, не учинивших, мягко говоря, серьезного беспокойства захватчикам. Не имея связи с краевым (Южным) штабом партизанского движения, находившимся в Сочи, не предприняв по своей инициативе противодействия оккупационному режиму в районе, отряд 9 декабря 1942 года самороспустился. Люди небольшими группами и в одиночку разошлись по домам».

После освобождения предгорья от немецко-фашистских захватчиков в феврале 1943 года заинтересованные люди напомнили о чемодане. Секретарь райкома партии Борисов запросил Спокойненский райком ВКП(б) о судьбе чемодана с золотом.

Расследование проводилось скоро (за две с небольшим недели) лейтенантом НКГБ Дудниковым. Ни о какой глубине и аргументации выводов не приходится говорить, не исключается возможность следственных ошибок.

Что же установило расследование Дудникова?

Доставленный из Армавира чемодан с ценностями приняли в Спокойненском отделении Госбанка его управляющий Лобода и главный бухгалтер Шишкарев. По 27 августа 1942 года чемодан находился в эвакуированном Госбанке. Затем был сдан Лободой вместе с ценными бумагами и 40 тысячами рублей банковских денег на хранение в штаб Спокойненского партизанского отряда. Ответственным за материальные ценности отряда был назначен партизан, один из руководителей района, кассиром была К.

Действительно, 17 сентября неподалеку от базы отряда под горой Баден в обрыве был обнаружен раскрытый пустой чемодан из-под музейных ценностей. Похитителей штаб отряда не выявил.

27 октября 1942 года кассир К. самовольно покинула отряд и поселилась в станице Спокойной. Причем не только не пряталась, но, по данным отдела НКГБ, вступила с полицией «в связи предательского характера».

Сообщалось, что она вернулась из леса с 30-ю тысячами рублей и небольшим ящичком с какими-то ценностями, с которыми не расставалась еще в партизанском отряде. По мнению начальника райотдела НКГБ, кассир К. подлежала аресту и привлечению к уголовной ответственности.

После освобождения района от захватчиков, упомянутый Н. вместе с другим руководящим работником районной власти и составил акт о том, что перед выходом партизан из леса «банковские ценности, в том числе чемодан с золотом, были уничтожены путем сожжения» (как им удалось сжечь золото?). Подписав этот акт, предложили сделать то же О. Тот отказался от «этой фикции», заявив при этом, что при роспуске отряда сожжены были только банковские документы и марки, а деньги и чемодан с золотом не уничтожались.

В итоге расследования отдел НКГБ сделал вывод: виновники хищения ценностей — бывший ответственный за материальные ценности отряда А., ответственный совработник И.

Препровождая докладную записку Дудникова в крайком, секретарь Спокойненского райкома Давыдов писал, что он не может утверждать о степени справедливости выводов, поскольку не знаком с материалами следствия.

А. и И. Подтвердили в беседе с секретарем райкома факт существования чемодана, по их словам, «в партизанском отряде он уже был ограблен».

Итак, при всех противоречиях и неточностях первоначального расследования нет расхождений: чемодан опустошен в партизанском отряде... Секретарь райкома Давыдов высказал тогда разумную мысль о необходимости тщательно провести по данному вопросу следствие...

Прошло какое-то время и вот новая необычная информация в печати: в 80-х годах прошедшего века некая юная американка, дочь русских эмигрантов, получив российское гражданство, поселилась у бабушки в Армавире, училась в школе...

Но многое в их поведении вызывало озабоченность спецслужб. Они отслеживали маршруты их движения в одном и том же направлении: станица Отрадная — поселок Мостовской. Высаживались бабушка и внучка в одном и том же месте — недалеко от лесопосадок. Когда наложили на карту местности маршрут поездок бабушки и внучки, то они совпадали с ориентировками, которые органы безопасности Кубани еще в 1942 году разослали по ряду регионов с копиями описи содержимого «золотого чемодана».

Юная особа не курьер ли, знающая ориентиры места захоронения чемодана, и приехала не для того, чтобы убедиться в его сохранности?

Вскоре срочно по вызову из США девушку пригласили для оформления американского гражданства. Она спешно уехала к родителям в Америку, которые в годы войны, как выяснилось, стали на путь пособничества фашистам и в 1943 году с женами, детьми и домашним скарбом бежали в Германию. А после войны оказались в «американской» зоне оккупации Берлина, уехали в США, занялись бизнесом, в том числе ювелирным. Как говаривал небезызвестный Остап Бендер, заседание продолжается.

...В последние годы русский кладоискатель Юрий Харчук из Ленинградской трижды побывал в Отрадненском предгорье. Поле его интересов — «золотой чемодан». Он встретился со многими, кто интересуется поиском сокровищ из Керченского историко-археологического музея, исчезнувших в годы войны при загадочных обстоятельствах. Ведет обширную переписку, публикует статьи о нем, о его деятельности рассказывали практически все кубанские газеты, а также «Комсомольская правда», центральное телевидение.

— Уверен, сокровища — бесценные реликвии музея были кем-то из партизан переложены... ну, скажем, в мешок, а сам чемодан выброшен. Хотя бы для того, чтобы отвлечь внимание отдельных не чистых на руку партизан, частично похитивших ценности. Никак не укладывается в голове, что 719 золотых предметов растащила горстка партизан. Задачу, которую ставим мы, кладоискатели, — найти сокровища и передать их законному владельцу, — подчеркнул в беседе Ю.И. Харчук.

...Мне не раз приходилось бывать в станице Спокойной. Заводил «неспешные разговоры о "золотом чемодане" с бывальыми селянами». Они говорили: «тех, кто знал о золоте, поубивали»; «жил у нас в Спокойной один еврей — стоматолог. К нему перекочевало золото. Нахапав, уехал старик в Армавир»; «сокровища надо искать в Темном лесу, кто-то из Бесстрашной станицы видел, как прятали его»; «золото в земле, в могиле руководителя отряда Соколова. Найдете его могилу в лесу, отыщется и богатство»...

Каких только баек не услышал от здешних казаков, особенно за праздничным столом...